

Чарльз Бентли

НЕОЧЕВИДНЫЕ СВЯЗИ

Неочевидные связи

Чарльз Бентли

Книга основана на сочетании документального материала и художественной реконструкции. В тех случаях, когда точные слова, мотивы или последовательность действий участников не могут быть установлены достоверно, соответствующие сцены и диалоги воссозданы автором. Ряд персонажей является собирательным, некоторые частные детали изменены в целях художественной композиции.

Оглавление

Вступление

Глава 1. Жизнь в служении идеалу. Прошное

Глава 2. Параллельная реальность. Настоящее

Глава 3. Психологический корень происходящего

Глава 4. Невидимая битва за разум.

Источники

Вступление

Вы когда-нибудь ловили себя на странном чувстве, что реальность вокруг вас начала давать трещины? Это то самое мимолетное ощущение, когда правила игры, которые нам навязывали с детства, вдруг кажутся абсурдными, а «здравый смысл» окружающих подозрительно напоминает заученный сценарий. Мы живем в эпоху, где получить клеймо гораздо проще, чем добиться справедливости. Достаточно одного неудобного вопроса, одной попытки выйти за очерченный круг или простого нежелания подпевать хору — и на вас мгновенно вешают ярлык, по типу «странный» или «неблагонадежный». По итогу вас охватывает распирающее чувство несправедливости: почему те, кто громче всех кричит о правильности, сами определяют границы вашей нормальности и осуждают вас? Кажется, будто вы единственный зритель в театре, который заметил, что декорации сделаны из крашеного картона. Мы оказались внутри грандиозного социального гипноза, где многое перевернуто с ног на голову. В этом перевернутом мире часто черное выдается за белое, а белое — за черное.

Главный вопрос, который оставит вам эта книга, — это не вопрос о политике или истории, а о вашем личном праве на владение собственной жизнью. В мире, где за каждую секунду вашего внимания идет война, возвращение контроля над своей жизнью звучит не просто как выбор, а как обретение настоящей суперсилы. Когнитивная суверенность — это последний рубеж, территория, которую у вас невозможно отнять, если вы сами не отдадите ключи. Вы хотите увидеть мир таким, какой он есть на самом деле, вернув себе право быть единственным хозяином своего сознания?

Глава 1. Жизнь в служении идеалу. Прошлое

Тяжелый щелчок автоматического замка, вгрызающегося в стальной паз, — это последний звук, который отделяет человека от мира живых, превращая его в субъект клинического наблюдения. В коридорах Института имени Сербского этот звук всегда сопровождался едким, почти осязаемым запахом хлорки и дешевого хозяйственного мыла, который въедался в поры кожи, словно пытаясь вытравить саму личность пациента.

Здесь, в стенах, покрашенных в казенный серый цвет, время замирало, а логика выворачивалась наизнанку. Человек, стоящий перед комиссией в белых халатах, мог цитировать Пастернака, верить в Бога или просто задавать неудобные вопросы о справедливости, но для них он уже перестал быть гражданином. Взгляд врача, холодный и оценивающий, не искал признаков болезни — он искал лишь подтверждение заранее вынесенного приговора. Когда дверь психиатрического отделения закрывалась, мир за окном с его законами, судами и адвокатами переставал существовать, уступая место бесконечному кошмару, где безумие назначается приказом сверху.

Рождение этого монстра официально датируется весной 1921 года, когда железный Феликс Дзержинский, столкнувшись с политической дилеммой, начертал судьбоносную записку. Его целью была Мария Спиридонова, лидер левых эсеров, чье имя гремело по обе стороны границы. Расстрелять ее означало спровоцировать международный скандал и гнев западных социалистов. Дзержинский нашел изящный выход: он предложил не убивать тело, а изолировать разум. Сговорившись с врачами Обухом и Семашко, он распорядился

поместить Спиридонову в психиатрическую лечебницу под строжайшим, но скрытым надзором.

История русской революции знает немало фигур, чьи имена стали синонимами радикальных перемен, однако личность Феликса Эдмундовича Дзержинского занимает в этом пантеоне особое, во многом недооцененное и одновременно сакрализованное место. Человек, вошедший в историю под прозвищем «Железный Феликс», представлял собой уникальный психологический тип — фанатика-идеалиста, чья абсолютная преданность абстрактной цели оправдывала в его глазах любые, даже самые кровавые средства. Его жизненный путь — это не просто биография политического деятеля, а история глубокой внутренней трансформации, в ходе которой религиозный пыл юности переродился в революционное мессианство, а дворянское понятие о чести — в беспощадную логику классовой борьбы.

Феликс Дзержинский родился в 1877 году в родовом имении Дзержиново, принадлежавшем семье обедневшего польского шляхтича. Его корни уходили в среду польской аристократии, где традиции католицизма и национального достоинства были незыблемы. Мать, Хелена Дзержинская, воспитывала детей в духе польского мессианства, внушая им, что они — наследники великой культуры, угнетаемой «москалями». Это воспитание сформировало у юного Феликса специфическое мироощущение: мир делился на «своих» и «чужих», на жертв и палачей. В детстве его воображение рисовало фантастические картины мести; он признавался, что грезил о шапке-невидимке, которая позволила бы ему беспрепятственно уничтожать врагов Польши. Это была не просто детская жестокость, а ранняя форма радикального идеализма, жажда справедливости, понимаемой как возмездие.

Глубочайшим потрясением, наложившим неизгладимый отпечаток на психику подростка, стала трагическая гибель его сестры Ванды.

Случайный выстрел из ружья в стенах родного дома мгновенно оборвал жизнь близкого человека, превратив уютный мир семьи в пространство хаоса и непредсказуемой боли. Существует версия, что выстрел произвел кто-то из братьев, и эта коллективная или личная вина, окутанная семейным молчанием, могла стать тем триггером, который заставил Феликса искать утешения в предельной религиозности. Он стал самым набожным ребенком в семье, находя в католической догматике структуру, способную упорядочить расколотившую реальность.

В гимназии его единственным безупречным предметом был Закон Божий, а мечты о священстве приобрели форму почти экстатического служения. Психологический портрет юного Дзержинского поражает своей бескомпромиссностью. Однажды он во всеуслышание заявил, что если когда-нибудь осознает, что Бога нет, то немедленно пустит себе пулю в сердце. Эта фраза — ключ к пониманию всей его дальнейшей биографии. Для него не существовало полутонов: жизнь имела смысл только как служение абсолютному Идеалу.

Когда в годы юности произошло разочарование в официальной церкви — отчасти из-за конфликтов с преподавателями, отчасти из-за столкновения с социальной несправедливостью, которую религия не могла объяснить, — его вера не исчезла, она сменила вектор. Мощный заряд мученичества, готовность к самопожертвованию и аскетизм перетекали в марксизм, который для Дзержинского стал новой религией, со своими пророками, догматами и инквизицией. Дзержинский перенес в революционную деятельность ту же страсть и бескомпромиссность, которая могла бы сделать его фанатичным прелатом.

Тот же психологический механизм, который заставляет монаха изнурять плоть постом, заставлял Дзержинского проводить сутки в кабинете на Лубянке, довольствуясь лишь чаем и хлебом, пока его приказы запускали маховик массовых расстрелов. Политический фанатизм стал для него формой секуляризованной абсолютной

преданности, где партия заменила Бога, а террор — очистительный огонь.

Создание Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) в декабре 1917 года стало моментом триумфа и одновременно окончательного падения «внутреннего священника» в Дзержинском. Он спроектировал систему, которая не просто карала, но подавляла саму волю к сопротивлению. Индустрия страха, выстроенная им, базировалась на принципе классовой целесообразности, где индивидуальная вина была вторична перед принадлежностью к «отживающему миру». Дзержинский внедрил психологию превентивного подавления: враг должен быть уничтожен не за то, что он сделал, а за то, кем он является. Его знаменитые слова о «чистых руках, горячем сердце и холодной голове» были попыткой придать эстетический и моральный лоск репрессивному аппарату, легитимизировать насилие как высшую форму революционного долга.

Одной из наиболее мрачных страниц деятельности Дзержинского является его роль в формировании карательной психологии и первых опытах политического использования психиатрии. В условиях, когда традиционные суды объявлялись пережитком буржуазного прошлого, на их место пришла «революционная совесть» — аморфное понятие, позволявшее оправдать любое насилие интуитивным чувством справедливости. Ранний советский репрессивный аппарат допускал обращение с политическими противниками как с социально и морально «дефектными» элементами. Ярким примером раннего применения психиатрии в карательных целях как раз и стало дело Марии Спиридоновой. Спиридонова была приговорена к содержанию в психиатрическом санатории, а после повторного ареста в 1920 году прошла через чекистское медицинское учреждение и затем оказалась в психиатрической тюрьме. Этот шаг позволял власти избежать открытого судебного процесса над «героем революции» и одновременно дискредитировать её идеи как плод душевной болезни.

Таким образом, Дзержинский заложил основы метода, который десятилетия спустя станет одним из главных инструментов борьбы с инакомыслием в СССР. Психологическое давление и пытки в подвалах ЧК стали неотъемлемой частью процесса «дознания», который Дзержинский считал необходимым злом на пути к высшему благу.

Личность Дзержинского полна глубочайших противоречий, которые ставят в тупик исследователей, пытающихся дать ему однозначную оценку. С одной стороны, этот человек подписывал указы о массовых казнях и лично курировал систему заложничества. С другой стороны, именно Дзержинский в 1921 году возглавил Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИК. В разоренной Гражданской войной стране насчитывались миллионы беспризорников, и Дзержинский подошел к решению этой проблемы с той же энергией и системностью, что и к борьбе с контрреволюцией. Под его патронажем создавались детские коммуны и приемники, где тысячи сирот получали питание, одежду и образование. Многие из этих детей впоследствии стали преданными строителями советского государства, а сам Дзержинский был закреплён в советской памяти как один из организаторов борьбы с беспризорностью. Не исключено, что за таким подходом скрывались совсем иные цели, о которых история предпочитает умалчивать.

Этот парадокс — искренняя забота о «детях будущего» при абсолютной безжалостности к «людям прошлого» — является ключом к пониманию психотипа Дзержинского. В его сознании мир был четко разделен на тех, кто достоин войти в социалистический рай, и тех, кто должен быть принесен в жертву на его алтаре. Спасая беспризорников, он создавал новый человеческий материал, очищенный от «скверны» старого мира. Его гуманизм был избирательным и глубоко идеологизированным: он мог проявлять нежность к котенку или заботу о сироте, но при этом оставаться абсолютно холодным при известии о расстреле сотен офицеров или священников. Эта дихотомия была следствием его фанатичной веры в то, что мораль вторична по

отношению к интересам пролетариата. Для Дзержинского «чистые руки» означали не отсутствие крови на них, а отсутствие личной корысти и преданность высшей цели.

Феликс Дзержинский скончался в 1926 году от сердечного приступа, произошедшего после его эмоционального выступления на пленуме ЦК, где он яростно критиковал состояние советской экономики. Его смерть в возрасте 48 лет стала логическим завершением жизни человека, который буквально сжег себя на алтаре государственной службы. Однако созданная им отрасль пережила своего творца на многие десятилетия. Методы работы ВЧК, заложенные Дзержинским, стали последовательным кодом для всех советских спецслужб — ОГПУ, НКВД, МГБ и КГБ.

Наследие Дзержинского заключается прежде всего в институционализации подозрительности и признании террора легитимным инструментом государственного управления. Он создал аппарат, способный контролировать не только действия, но и мысли граждан, внедрив систему тотального осведомления и агентурной работы. Образ «рыцаря революции», созданный советской пропагандой, служил этическим оправданием для поколений чекистов, позволяя им чувствовать себя «орудием истории», стоящим выше общечеловеческой морали. Даже после осуждения сталинских репрессий фигура Дзержинского долгое время оставалась неприкосновенной, символизируя «идеальный» образ сотрудника госбезопасности. Однако Феликс Дзержинский был не просто исполнителем воли Ленина, а самостоятельным творцом новой политической реальности.

Он попытался построить новое общество на фундаменте абсолютного насилия и отрицания ценности человеческой жизни. Железная воля и аскетизм, которыми он обладал, лишь усилили разрушительный потенциал его идей, превратив его в одну из самых эффективных и страшных фигур XX века. Его биография остается

напоминанием о том, к каким последствиям приводит фанатизм, когда он соединяется с неограниченной государственной властью и убежденностью в собственной непогрешимости.

Методы Дзержинского сформировали облик советской империи, обеспечив ей десятилетия внутренней стабильности ценой миллионов жизней и глубокой эрозии правосознания нации. Дзержинский заложил фундамент, на котором психиатрия стала восприниматься как инструмент социальной гигиены. Если коммунизм — это высшая стадия развития общества, то любой, кто выступает против него, с точки зрения фанатиков, автоматически является либо негодяем, либо безумцем.

Десятилетия спустя идеальное орудие подавления сконструировал Андрей Снежневский. Это была ловушка, из которой невозможно выбраться. Психиатрия превратилась в невидимую тюрьму, где ключи от камер находились в руках людей, убедивших себя в том, что они лечат, в то время как они ломали волю и уничтожали человеческое я. Концепция вялотекущей шизофрении, ставшая визитной карточкой советской психиатрической школы второй половины XX века, по праву может быть названа примером «гениального коварства» в истории медицины. Уникальность её заключалась в том, что она позволяла государству нейтрализовать любого оппонента, не прибегая к громким судебным процессам и не создавая ореола мученичества вокруг диссидентов.

Андрей Владимирович Снежневский — фигура столь же масштабная, сколь и трагическая в своем интеллектуальном служении идеологии. Истоки мировоззрения Снежневского уходят в провинциальную Россию начала века. Он родился в 1904 году в Костроме, городе с глубокими медицинскими традициями, и именно там начал свой путь в науку. Обучение в Казанском университете, который он окончил в 1925 году, стало фундаментом его профессионального становления. Казань того времени была одним из крупнейших центров

русской психиатрии, где сохранялась преемственность классических школ. Его учителем был профессор Т.И. Юдин, выдающийся теоретик, чьи работы по систематике психических расстройств оказали на Снежневского колоссальное влияние. Ранний опыт работы в Костромской психиатрической больнице, где Снежневский прошел путь от ординатора до главного врача, позволил ему накопить огромный эмпирический материал.

В те годы он видел психиатрию как гуманистическую дисциплину, направленную на облегчение страданий, однако уже тогда в его подходе начала проступать тяга к жесткой систематизации и поиску биологических детерминант болезни. Кардинальным образом на профессиональное и личностное мировоззрение Снежневского повлиял опыт Великой Отечественной войны. Призванный в армию уже на пятый день войны, он прошел путь от старшего врача стрелкового полка до начальника фронтового психиатрического госпиталя.

Работа в условиях экстремального стресса, массовых психогений и контузий требовала от врача не только медицинских знаний, но и умения принимать быстрые, иногда даже деспотичные решения в интересах коллектива и фронта. За боевые заслуги Снежневский был награжден орденом Красной Звезды, но, возможно, главным «трофеем» войны для него стало убеждение в том, что психическое здоровье личности неразрывно связано с ее социальной функциональностью и лояльностью системе. Военная психиатрия по определению была инструментом возвращения бойца в строй, и этот утилитарный подход Снежневский позже перенес на гражданскую почву, где «строим» стало советское общество.

Восхождение Снежневского к вершинам административной и научной власти в Москве совпало с периодом жесткой идеологизации науки. Ключевым моментом здесь стала так называемая «Павловская сессия» 1951 года — совместное заседание Академии наук и Академии медицинских наук СССР. На этой сессии физиологическое учение И.П.

Павлова было объявлено единственно верной методологической основой советской медицины. Снежневский, активно участвовавший в этом процессе, сумел встроить психиатрию в канву павловского детерминизма.

Это означало отказ от психоанализа, экзистенциальной психиатрии и любых «буржуазных» теорий, ориентированных на индивидуальный внутренний мир человека. Психика стала рассматриваться как продукт высшей нервной деятельности человека. Став лидером советской психиатрической школы, Снежневский монополизировал право на истину, создав иерархическую структуру, где научные дискуссии подменялись административными директивами.

Центральным элементом его научного наследия стала концепция «вялотекущей» (малопрогрессирующей) шизофрении. Механика этой теории поражала своей логической замкнутостью: Снежневский постулировал, что шизофрения может протекать годами без явных продуктивных симптомов — без галлюцинаций, бреда или выраженного распада личности. Диагностическими признаками стали считаться тонкие изменения характера: «потеря интереса к жизни», «оригинальничанье», «реформаторские идеи», «повышенная конфликтность» или «религиозность». Само отсутствие классических признаков болезни становилось признаком ее скрытого, коварного течения. Границы диагноза расширились настолько, что под них можно было подвести любое поведение, выходящее за рамки усредненной социальной нормы.

В руках государства эта теория превратилась в универсальный ключ: если человек критикует власть, значит, он не осознает реальности, а значит — болен. Практическое применение этой теории как инструмента репрессий достигло своего пика в 1960-х и 1970-х годах. Под руководством Снежневского Институт психиатрии АМН СССР и Институт судебной психиатрии имени В.П. Сербского превратились в экспертные центры, штампующие диагнозы для КГБ. Одним из самых

резонансных стало дело генерала Петра Григоренко, который за защиту прав депортированных народов был признан невменяемым именно Снежневским и Лунцем.

Аналогичная участь постигла биолога Жореса Медведева, чья критика лысенковщины и ограничения научных контактов была интерпретирована как проявление душевного расстройства. Владимир Буковский, Леонид Плющ, Наталья Горбаневская — список жертв «диагностического коварства» исчислялся сотнями. Система Снежневского создала ситуацию, в которой доказать свою нормальность было невозможно, так как любая попытка логического опровержения диагноза трактовалась врачами как «отсутствие критики к своему состоянию».

Международный скандал, вызванный использованием психиатрии в политических целях, стал неизбежным следствием закрытости и агрессивности советской школы. Западные психиатры, получив доступ к историям болезни эмигрировавших диссидентов и проведя их независимые обследования, пришли к однозначному выводу: эти люди здоровы. На конгрессе Всемирной психиатрической ассоциации (ВПА) в Гонолулу в 1977 году была принята резолюция, осуждающая советскую практику. Снежневский, будучи почетным членом многих зарубежных академий, воспринял это как личное оскорбление и политическую провокацию. Противостояние нарастало, и в 1983 году, чтобы избежать позорного исключения из ВПА, Всесоюзное общество невропатологов и психиатров СССР добровольно вышло из состава организации.

Советская психиатрия оказалась в полной международной изоляции, превратившись в закрытую касту, варящуюся в собственном идеологическом соку. Наследие Андрея Снежневского крайне противоречиво. Созданная им школа «вялотекущей шизофрении» на десятилетия затормозила развитие российской психиатрии, привив нескольким поколениям врачей склонность к гипердиагностике и

пренебрежение к правам пациента. Долгосрочные последствия этой системы ощущаются до сих пор: в общественном сознании психиатрия все еще ассоциируется с насилием, а профессиональное сообщество с трудом преодолевает стигму «карательного» прошлого. Снежневский умер в 1987 году, на самом пороге Перестройки, когда созданная им «монолитная конструкция» начала рушиться под давлением гласности. Он остался верен своим убеждениям до конца, став заложником собственной теории, которая превратила великую науку в орудие государственного контроля.

Фигура Дмитрия Романовича Лунца символизирует предельное сращивание медицины и политического сыска. Институт судебной психиатрии имени Сербского, ставший в те годы своего рода «светским монастырем» для тех, кто выбрал думать иначе, был пространством, где белизна халатов скрывала серую жесткость чекистского сукна. Очевидцы вспоминали, что за безупречной клинической маской профессора Лунца всегда проглядывал полковник КГБ — человек, носивший мундир под халатом не только метафорически, но, по свидетельству многих узников, и буквально. Процедура экспертизы в его четвертом отделении превращалась в тщательно срежиссированный ритуал лишения гражданских прав, где заключительным аккордом становился аминазин — препарат, призванный не лечить, а гасить искру человеческого сопротивления, превращая личность в послушный, лишенный воли биологический объект.

Анализ формирования личности Дмитрия Лунца являет собой глубокий социокультурный парадокс, типичный для трагедий XX века. Сын выдающегося педиатра Романа Осиповича Лунца и профессора Московской консерватории Марии Соломоновны Неменовой-Лунц, он рос в атмосфере высокой культуры, гуманизма и музыкальной гармонии. Казалось бы, такая наследственность должна была сформировать защитные механизмы против жестокости. Однако именно

здесь кроется корень глубокой деформации. Превращение потомственного интеллигента в одного из «строителей» карательной психиатрии демонстрирует, как советская власть умела апроприировать лучшие умы, превращая искусство врачевания в инструмент власти.

Для Лунца медицина перестала быть служением человеку, став формой социального инжиниринга, где «неправильные» мысли интерпретировались как биологический дефект, подлежащий принудительной коррекции. Институционализация этого зла нашла свое высшее воплощение в работе 4-го отделения Института Сербского. Здесь не просто ставили диагнозы — здесь выносили приговоры, которые были страшнее тюремных сроков, поскольку не имели четких границ и апелляционных механизмов. Статус Лунца как полковника КГБ не был формальностью; это была квинтэссенция его профессионального бытия. В стенах института происходило окончательное разрушение врачебной этики, а пациент становился лишь «объектом экспертизы». Лунц читал лекции сотрудникам МГБ и КГБ, обучая их распознавать «скрытые формы помешательства», что фактически означало криминализацию любого проявления интеллектуальной свободы.

Идеологическим фундаментом стала концепция «вялотекущей шизофрении», разработанная академиком Снежневским и доведенная Лунцем до совершенства в ее практическом применении. Логика Лунца была безупречной: в самом совершенном государстве мира только безумец может быть недоволен. Таким образом, политический протест полностью деполитизировался, переходя из разряда гражданского поступка в разряд клинического случая, что автоматически выводило человека за пределы правового поля.

Методология подавления, отточенная Лунцем, ярко прослеживается в судьбах выдающихся диссидентов. В случае с генералом Петром Григоренко психиатрическая экспертиза

использовалась для того, чтобы дискредитировать героя войны, лишив его не только свободы, но и чести, превратив его борьбу за права крымских татар в «бредовые идеи». Наталья Горбаневская, вышедшая на Красную площадь против оккупации Чехословакии, столкнулась с холодной убежденностью Лунца в том, что ее стихи и гражданская позиция — лишь маскировка глубокого психического распада. Владимир Буковский, прошедший через жернова Института Сербского, описывал Лунца как человека, который с садистическим удовольствием наблюдал за процессом «химического укрощения» разума. Лунц не просто подписывал бумаги; он как искусный дирижёр руководил процессом разрушения идентичности, используя экспертизу как форму допроса, где правильный ответ был невозможен. Применение аминазина и других нейролептиков в дозах, не соответствующих никаким медицинским стандартам, преследовало цель разрушить психику.

Человек, помещенный в спецпсихбольницу, оказывался в состоянии перманентного химического тумана, где воля подавлялась на физиологическом уровне. Для Лунца это было торжество «научного подхода» над человеческим духом. Аминазин становился материальным воплощением государственной цензуры, которая вводилась непосредственно в кровь. Личность распадалась не от болезни, а от «лечения», и этот процесс курировал человек, который по своему происхождению должен был быть хранителем культуры и милосердия. Врач становился палачом, а больничная палата — камерой пыток, лишенной даже тех минимальных гарантий, которые предоставлял ГУЛАГ.

Дмитрий Лунц оставил после себя не научные школы, а искалеченные судьбы и дискредитированную психиатрию, отголоски которой слышны и сегодня. Его деятельность показала, насколько уязвимой может быть наука перед лицом власти и как легко профессиональный авторитет превращается в дубинку вершителя.

Последствия карательной психиатрии выходят далеко за рамки биографии одного человека; они сформировали коллективную травму, страх перед врачом-психиатром как представителем силовых структур, который до сих пор живет в сознании поколений.

В советское время особенно жестоко беспощадный психиатрический террор обрушился на духовных искателей. В эпоху застоя последователи движения Харе Кришна, Свидетели Иеговы и другие религиозные меньшинства объявлялись сумасшедшими только за то, что их образ жизни не вписывался в рамки советского атеизма. Даже вегетарианство считалось признаком психического расстройства, а молитва — бредом. Сотни людей были брошены в палаты к тяжелобольным, где их подвергали лечению, направленному на искоренение веры. Многие из них не вернулись, другие остались инвалидами на всю жизнь.

Масштабы применения психиатрии в карательных целях стали предметом глубокого исследования лишь спустя десятилетия, во многом благодаря деятельности Роберта ван Ворена и возглавляемой им федерации «Глобальная инициатива в психиатрии» (FGIP). Кропотливый анализ архивных данных и свидетельств жертв позволил установить шокирующую статистику: в 1970-х и 1980-х годах около трети всех политических заключенных в СССР подвергались психиатрическим репрессиям. Деятельность FGIP и лично ван Ворена сыграла решающую роль в международном признании этих преступлений, доказав, что советская психиатрия функционировала как придаток карательных органов, где экспертные комиссии под руководством Снежневского выносили заведомо ложные решения о невменяемости таких знаковых фигур, как Владимир Буковский или Наталья Горбаневская. Анализируя внутренний распорядок и методы воздействия в специализированных психиатрических больницах, следует признать, что под маской медицинской помощи скрывалась система пыток, направленная на деструкцию человеческого разума.

Основным инструментом подавления воли выступала агрессивная фармакотерапия.

Нейролептики первого поколения, такие как аминазин и галоперидол, вводились пациентам в дозировках, многократно превышающих терапевтические нормы. Последствия такого «лечения» были катастрофическими: от тяжелейшей неусидчивости и мышечных спазмов до глубокого когнитивного распада и депрессии. Человек, еще недавно способный на глубокий интеллектуальный анализ, превращался в «химический овощ», лишенный способности к концентрации и контролю над собственным телом. К этому добавлялись и более изощренные методы наказания, такие как сульфозинотерапия — инъекции очищенной серы, вызывавшие резкую гипертермию и невыносимые боли, а также инсулиношоковая терапия, погружавшая пациента в состояние комы. Врачи в этих учреждениях зачастую осознанно выступали в роли палачей, используя медикаменты как средство наказания за отказ отречься от своих убеждений.

Социальные последствия для тех, кому удавалось выйти из стен спецпсихбольниц, были не менее разрушительными, чем физический урон здоровью. В советской социальной иерархии диагноз «вялотекущая шизофрения» означал фактическую гражданскую смерть. Пожизненная постановка на психиатрический учет лишала человека возможности получить качественное образование, работать по специальности, управлять транспортом и даже вступать в семейные отношения без санкции государства. Это создавало условия для перманентного профилактического террора, когда перед значимыми государственными событиями диссидентов могли превентивно госпитализировать без каких-либо медицинских оснований.

Психиатрия стала инструментом селекции, выжигая каленым железом любые ростки подлинной духовности, которые могли бы угрожать монополии государственной идеологии. Это был желтый ГУЛАГ, менее заметный, чем лагеря Мордовии, но не менее

эффективный в своем стремлении превратить народ в послушное стадо. Глубокая психологическая травма, где грань между исцелением и насилием была полностью стерта, оставалась с выжившими на всю жизнь, создавая барьеры для их полноценной реабилитации в постсоветский период. Наследие того периода, включая институциональную память системы и стигматизацию психических расстройств, продолжает оказывать влияние на современную практику. Изучение этих механизмов необходимо не только для восстановления исторической справедливости в отношении жертв, но и для предотвращения рецидивов подобных практик, которые остаются потенциальной угрозой в любых обществах, где политическая целесообразность ставится выше ценности человеческой личности и свободы разума.

Казалось, что с распадом Советского Союза этот «монстр» должен был исчезнуть, отправиться на свалку истории вместе с портретами Дзержинского и Снежневского. В 1988 году сотни тысяч людей были сняты с психиатрического учета, а статьи за антисоветскую агитацию отменены. Но «монстр» просто затаился. На авансцену вышли новые действующие лица, вооруженные старыми методами.

Девяностые годы врывались в сознание запахом уличного смога, разбавленного ароматами дешевого индийского ладана и типографской краски свежееотпечатанных брошюр. Старый мир рухнул, оставив после себя гигантскую воронку, которую люди отчаянно пытались заполнить хоть чем-то, что давало бы надежду. Это было время великого духовного половодья: на вокзалах, в Дворцах культуры и на стадионах сталкивались проповедники всех мастей, йоги, оккультисты и искатели истины. Вчерашние инженеры и партийные работники, лишенные привычных координат, замороженно слушали речи о высших мирах, медитации и спасении души. Но именно в этой атмосфере безграничной свободы, в тени ярких шатров новых верований, начала вызревать иная

сила — холодная, расчетливая и методично выстраивающая новую (или давно забытую старую) систему контроля.

Пока одни искали Бога, другие искали способ вернуть ускользающую власть над умами людей. На смену идеологическим отделам ЦК пришли антикультовые организации, такие как РАЦИРС во главе с Александром Дворкиным. Эти структуры, действующие под прикрытием заботы о психическом здоровье нации, возродили старую терминологию. Однако, теперь вместо вялотекущей шизофрении используется псевдонаучное понятие промывание мозгов.

Антикультизм возник как реакция на многообразие жизни, как попытка загнать бурлящую человеческую мысль обратно в тесные рамки одобренных догм. Под лозунгами заботы о психическом состоянии людей и национальной безопасности начала формироваться многофункциональная международная сеть, связывавшая воедино старые европейские структуры и новые амбициозные проекты на постсоветском пространстве. В Европе этот процесс кристаллизовался в создании организации под аббревиатурой FECRIS. Она возникла в Париже, в недрах страны с давними традициями жесткого секуляризма, и быстро превратилась в структуру, объединяющую под своей крышей «ловцов за чужими мыслями». В России же была еще более благодатная почва. Здесь родилась РАЦИРС — ассоциация, которая с самого начала представляла себя как экспертное сообщество, но на деле стала пропагандистским центром новой нетерпимости. Структуры обменивались информацией и создавали единый словарь ненависти.

Глава 2. Параллельная реальность. Настоящее

В современном обществе возникла параллельная реальность. В одной реальности существуют законы о свободе совести, международные конвенции и права человека. В другой — действуют антикультовые синдикаты, которые формируют черные списки, проводят экспертизы, больше похожие на доносы, и ломают судьбы тысяч людей. Эти два мира пересекаются в залах судов, где заключения специалистов из РАЦИРС (или любых других филиалов, их партеров, коллег) ложатся в основу приговоров. Антикультисты со своими долгоиграющими и хорошо продуманными планами проникают в образовательные учреждения, читая лекции об опасности новых течений и прививая молодым людям страх перед любым духовным поиском, выходящим за рамки предписанного ими.

Они манипулируют прессой, вбрасывая сенсационные и часто сфабрикованные истории о «культах» или «сектах», создавая в обществе атмосферу моральной паники. Эта паника — их главный ресурс. В страхе люди готовы делегировать право распоряжаться своим разумом экспертам, не замечая, как сами становятся частью огромной пропаганды по производству лишь одного, «единственно правильного», единомыслия. В демократических странах они используют риторику защиты прав потребителей и борьбы с мошенничеством, в авторитарных режимах — становятся верными помощниками спецслужб, помогая зачищать пространство от любых независимых объединений. Но везде их цель остается неизменной: установление монополии на истину и контроль над внутренним миром, мировоззрением и образом жизни человека. На смену грубым похищениям (депрограммированию) пришли более тонкие методы консультирования по выходу, но суть осталась прежней — это

давление, основанное на презумпции неполноценности выбора человека.

В этом противостоянии за сознание истинной жертвой становится сама идея человеческого достоинства. Когда мы соглашаемся с тем, что убеждения человека могут быть результатом промывания мозгов, мы подписываем приговор собственной свободе. Ведь если кто-то другой может решать, какой выбор является свободным, а какой — внушенным, то само понятие свободы превращается в пустую формальность. Антикультизм — это борьба с самой возможностью быть другим, думать иначе, искать свой собственный путь к истине. Его скрытая угроза заключается в способности прятаться под маской здравого смысла. Кто будет возражать против защиты детей или борьбы с преступностью? Под этими благовидными предложениями скрывается то, что может быть повернуто против любого. При чем это может быть кто угодно: сегодня это последователь малочисленного учения, завтра — политический активист, послезавтра — ученый, чьи взгляды не вписываются в официальную парадигму.

Примеров тому — множество: кто-то в заключении, кто-то под следствием, а кто-то потерял самое дорогое в жизни. Корпорация, однажды попробовавшая кровь и научившаяся ломать людей через колено психиатрических диагнозов, никогда не останавливается на достигнутом. Это власть, которая не просто запрещает определенные действия, но претендует на то, чтобы определять саму суть наших мыслей и чувств. Антикультисты создали прецедент, согласно которому человеческий дух может быть объявлен «неисправным прибором», требующим принудительной починки. И пока общество не осознает глубину этой угрозы, пока мы продолжаем верить в мифы о зомбировании и спасительных похищениях, их стены будут становиться только выше и крепче, превращая мир в одну большую палату, где право на собственную мысль считается главным симптомом болезни.

Кабинет современного эксперта встречает не криками истязаемых и не лязгом цепей, а вкрадчивым гулом работающих кондиционеров и безупречной белизной жалюзи, сквозь которые свет падает на стол ровными и точными полосами. В этой стерильности кроется самая настораживающая черта современного зла — его обыденность, его чиновничья аккуратность. Здесь не пахнет серой, здесь пахнет дорогим парфюмом человека, который привык распоряжаться чужими судьбами между вторым кофе и обеденным перерывом. Перед ним сидит человек, чья единственная вина заключается в попытке обрести смысл за пределами предписанных государством шаблонов.

Эксперт, будь то ангажированный психиатр или религиовед, прошедший инструктаж в структурах, подобных РАЦИРС, смотрит не на живую душу, а на биологический объект, подлежащий лингвистической вивисекции. Его задача — не понять, а перевести. Перевести живой трепет веры, тишину медитации или жар искренней молитвы на совсем другой, противоположный язык. Когда подэкспертный рассказывает о том, как смена жизненных приоритетов помогла ему обрести внутренний покой и отказаться от пагубных привычек, ручка эксперта замирает лишь на секунду, чтобы вывести каллиграфическим почерком приговор: утрата социальной адаптации. Искренняя радость от обретения общины превращается в симптоматику индуцированного бредового расстройства, а готовность помогать ближним — в яркий признак зависимого расстройства личности. В этом кабинете нет места для духовного поиска; здесь любое отклонение от серой нормы мещанского существования трактуется как дефект. Каждое слово, произнесенное с надеждой, здесь аккуратно упаковывается в герметичный пакет медицинского термина, из которого предварительно выкачан весь воздух человеческого смысла и свободы.

Бесперывный процесс подмены понятий работает безотказно. То, что на протяжении веков называлось духовным кризисом, этой священной точкой перелома, через которую личность переходит к

новому качеству бытия, в документах нынешнего эксперта именуется деструктивным воздействием на психику. Поиск общины, естественное стремление человека не быть одиноким в холодном космосе мегаполиса, интерпретируется как попадание в ловушку контроля сознания.

Эта концепция — контроль сознания — стала универсальным отмычкой, позволяющей взломать любую человеческую биографию. Она удобна тем, что полностью лишает человека субъектности. Если человек заявляет, что он счастлив, эксперт понимающе кивает и записывает: стадия эйфории вследствие манипулятивных техник. Если человек говорит о любви к Богу, в протоколе появляется запись об аффективной охваченности. В этом кабинете невозможно быть просто верующим; можно быть только запрограммированным ли что-то в этом роде.

Человек, попавший в это Прокрустово ложе современности, пытается доказать свою вменяемость, порой даже не осознавая, что сама эта попытка является частью капкана. Это и есть Уловка-22 в её самом жестоком, психиатрическом исполнении. Любое сопротивление навязываемому диагнозу, любая логическая аргументация или эмоциональный протест против несправедливости трактуются экспертами как отсутствие критики к своему состоянию. Это фундаментальный столб репрессивной процедуры: если ты не согласен с тем, что ты болен, значит, твоя болезнь зашла слишком далеко и поразила центры самовосприятия.

Само желание доказать свою нормальность становится доказательством безумия. Эксперт смотрит на тебя с той особенной, ледящей душу жалостью, которую чувствует энтомолог к бьющейся на булавке бабочке. Твои слезы — это вегетативный симптом, твой гнев — признак декомпенсации, твоё молчание — аутизация. Когда эксперт пишет в заключении о потере связи с реальностью, он фактически выдает лицензию на социальное уничтожение. С этого момента человек

перестает быть гражданином, родителем, профессионалом — он превращается в объект опеки, лишенный права голоса, права на выбор и, в конечном счете, права на собственный внутренний мир. Это абсолютное бессилие перед интерпретацией. Ты не принадлежишь себе с того момента, как переступил этот порог.

Твоя биография больше не твоя — она принадлежит государственному эксперту, который перепишет её в соответствии с методичками, спущенными из центров борьбы с инакомыслием. И в этой новой, отредактированной версии твоей жизни не останется места для тебя самого. Антикультисты и связанные с ними психиатры искренне или притворно декларируют спасение личности от манипуляций, в то время как сами совершают акт предельной манипуляции — лишают человека права на собственное осознание. Намного легче бороться с врагом, который бьёт тебя в лицо, чем с приёмом, который ласково называет твою веру симптомом и обещает вылечить тебя от твоей сущности. Это состояние абсолютной незащищенности вызывает глубокий эмоциональный отклик, чувство кричащей несправедливости, когда правда оказывается бессильной перед лицом бюрократизированной лжи.

Процесс постановки диагноза превращается в ритуал: из человека изгоняют всё человеческое, оставляя лишь послушную оболочку, готовую принять государственную истину как единственно возможную форму реальности. Это и есть методичное расчленение человеческой свободы на составные части симптомов, пока от самой свободы не останется ничего, кроме сухой записи в архивной папке. Каждое экспертное заключение, выходящее из таких кабинетов, — это кирпич в стене новой тюрьмы, которая строится прямо посреди нашего общества. Она не нуждается в решетках, потому что её стены воздвигнуты внутри человеческого восприятия.

Прокрустово ложе современности оказывается безразмерным — оно способно вместить в себя любого, кто осмелится поднять глаза к

небу в поисках своего, а не предписанного света. Эта психологическая драма не имеет финала с торжеством справедливости. Она заканчивается тихим скрипом двери и осознанием того, что мир за пределами кабинета уже никогда не будет прежним. Ты выходишь оттуда с диагнозом, который, словно невидимый саван, окутывает все твои будущие действия. Твоя вера теперь — бред, твои друзья — пособники культа, твоя жизнь — результат манипуляции.

В залах заседаний, где под высокими потолками застыл мертвенно-бледный свет люминесцентных ламп, время словно густеет, превращаясь в липкую субстанцию, из которой нет выхода. Тяжелые деревянные скамьи, отполированные тысячами отчаявшихся тел, принимают на себя груз сломанных судеб, пока государственная машина в союзе с псевдонаукой готовится совершить акт юридического каннибализма. В этом театре абсурда главная роль отведена не закону, а ярлыку. Достаточно произнести слово секта, и правовое поле мгновенно превращается в минное, где каждое движение обвиняемого лишь сильнее затягивает петлю. На этих процессах вековые достижения юриспруденции рассыпаются в прах перед лицом субъективного мнения одного специалиста, наделенного неограниченной властью над реальностью.

История Марии Спиридоновой, когда-то запертой в психиатрическом санатории по приказу Дзержинского, повторяется сегодня в судьбах людей вроде Александра Сизикова, чья слепота и вера не стали преградой для тех, кто решил отправить его на психиатрическую экспертизу. В судебном процессе против Сизикова, слепого человека, обвиненного в терроризме на основании владения книгами, которые он физически не мог прочесть, абсурд достигает своей высшей точки. Александр Сизиков, инвалид первой группы, полностью потерявший зрение еще в две тысячи девятом году после тяжелой автомобильной аварии, стал объектом пристального внимания

российских силовых структур в Крыму в июле две тысячи двадцатого года.

Обстоятельства его задержания напоминают постановочный сценарий театра абсурда, где декорации реальности заменены декорациями казенного протокола. Однако это реальная история человека. Во время обыска в его доме сотрудники спецслужб якобы обнаружили запрещенную религиозную литературу, принадлежащую, по их версии, к организации Хизб ут-Тахрир, признанной в России террористической, но легально действующей во многих странах мира, включая Украину. Главный парадокс заключался в том, что эти книги были напечатаны обычным типографским шрифтом, а не шрифтом Брайля. Человек, который более десяти лет жил в абсолютной темноте, физически не мог не то что изучать эти тексты, но даже отличить их от стопки газет или чистой бумаги. Тем не менее, следствие и суд сочли это достаточным основанием для того, чтобы обвинить его в организации террористической ячейки.

Защита Сизикова неоднократно указывала на то, что книги могли быть попросту подброшены, учитывая его физическую беспомощность в момент обыска. Адвокаты требовали предоставить материалы уголовного дела, составлявшие двадцать четыре тома, в доступном для незрячего формата, но система ответила глухим отказом, нарушая базовое право на защиту. В этом процессе Сизиков был не просто обвиняемым, он был символом уязвимости перед лицом государственного института, который принципиально игнорирует физические законы реальности ради достижения отчетных показателей по борьбе с экстремизмом. Принудительная психиатрическая экспертиза, которой подвергли Сизикова, стала логическим продолжением этой дегуманизации. Данное дело завершилось приговором в семнадцать лет лишения свободы.

Трагедия усугубилась в две тысячи двадцать пятом году, когда после недолгого освобождения по состоянию здоровья Минусинским

судом, прокуратура добилась возвращения слепого человека в тюрьму. Логика Красноярского краевого суда поражала своей запредельной жестокостью: было заявлено, что слепоту на свободе все равно вылечить невозможно, а значит, инвалидность не является препятствием для дальнейшего заключения. Это решение обнажило фундаментальную истину современной судебной системы: тело заключенного принадлежит государству, и его страдания являются частью наказания, даже если само обвинение построено на физической невозможности совершения преступления.

Параллельно с делом Сизикова разворачивается история якутского шамана Александра Габышева, чье имя стало нарицательным в контексте современного правового безумия. Габышев столкнулся не просто с арестом, а с бесконечной петлей принудительного лечения. Его шаманский ритуал превратился в призывы к экстремизму и насилию над представителями власти. Абсурдность ситуации заключалась в том, что государство, позиционирующее себя как оплот традиционных ценностей, испугалось древнего обряда. Психиатрические комиссии находили у Габышева бредовые идеи реформаторства, фактически признавая любую попытку предложить альтернативное видение политического устройства признаком сумасшествия.

Габышева переводят из одной психиатрической больницы специального типа в другую, от Новосибирска до Уссурийска, и каждый раз, когда врачебные консилиумы начинают говорить о возможности его выписки, суды, ведомые незримой волей, продлевают сроки содержания. То, что принудительное лечение может продлеваться неоднократно, создает риск многолетней изоляции, а граница между медицинским заключением и оценкой убеждений человека оказывается политически чувствительной.

Эта преемственность методов подавления прослеживается и в судьбе Виктории Петровой из Санкт-Петербурга, чья вина заключалась лишь в публикации антивоенных постов в социальных сетях. Вместо

того чтобы судить ее по статьям о дискредитации армии, власти решили пойти по пути психиатрического освидетельствования. Викторию отправили на принудительное лечение, лишив ее возможности защищать свои слова как политическую позицию. В психиатрическом стационаре она столкнулась с условиями, которые правозащитники называют пыточными: принудительное введение препаратов, подавляющих волю, унижительные процедуры, лишение связи с внешним миром. Когда слова становятся преступлением, а здравый смысл — диагнозом, общество погружается в состояние коллективного диссонанса.

В этом же ряду стоит дело Ирины Данилович, крымской медсестры и гражданской журналистки, которую обвинили в хранении взрывчатки, подброшенной в футляр для очков. Во время процесса Ирина фактически ослепла на одно ухо из-за неоказания медицинской помощи и перенесенного отита, который перерос в мастоидит. Ее жалобы игнорировались судом так же методично, как и доводы защиты о фальсификации доказательств. Здесь мы видим ту же механику, что и в деле Сизикова: физическое разрушение человека как побочный продукт или даже цель судебного преследования. Абсурд проникает и в цифровое пространство, где границы между игрой и реальностью стираются следственными органами.

Подобная логика распространяется на преследование за религиозные убеждения, в частности, в отношении Свидетелей Иеговы. После запрета организации в 2017 году десятки и сотни верующих в разных регионах стали фигурантами уголовных дел, по сути, за то, что они собираются вместе, читают Библию и молятся. В материалах этих дел фигурируют формулировки о продолжении деятельности экстремистской организации, хотя на самом деле речь идет о реализации конституционного права на свободу вероисповедания.

Такой государственный строй не ищет реальной угрозы, а ищет маркеры инаковости, которые легко конвертировать в уголовные

статьи. Анализируя эти процессы, невозможно не заметить, как карательная психиатрия возвращается в качестве удобного инструмента, позволяющего избежать состязательности сторон.

Михаил Косенко, фигурант Болотного дела, стал одним из самых известных случаев применения принудительных медицинских мер к участнику протестного дела в постсоветской России. Несмотря на то, что он много лет жил вне стационара и не считался социально опасным, эксперты Института имени Сербского во время следствия изменили оценку его состояния и пришли к выводу о необходимости принудительного лечения, диагностировав у него параноидную шизофрению. Это было воспринято многими как послание всем участникам гражданского движения: оппозиционность может быть объявлена патологией или, по крайней мере, оказаться подмененной психиатрическим языком.

С тех пор практика только расширялась. Сегодня людей преследуют за комментарии, за мемы, за одиночные пикеты, и в каждом случае есть риск оказаться не на скамье подсудимых, а на больничной койке под присмотром санитаров.

Особое место в этой хронике занимает использование правового абсурда против тех, кто пытается защищать права других. Судьба крымских татар в последние годы стала примером массового применения антитеррористического законодательства там, где нет никакого терроризма. Десятки активистов Крымской солидарности, людей, которые лишь фиксировали нарушения прав человека и помогали семьям политзаключенных, сами оказались за решеткой. Их обвиняют в терроризме на основании тайных свидетелей, чьи показания невозможно проверить, и лингвистических экспертиз, которые находят экстремизм в обсуждении концепций справедливости в исламе. В этих процессах правда становится ненужным шумом. Когда инвалид первой группы Сизиков выходит на одиночный пикет с плакатом, требуя освобождения своего опекуна, который был также

арестован по его делу, и за это получает обвинение в терроризме. Мы видим окончательный разрыв между моралью и законом. Закон здесь выступает не как регулятор общественных отношений, а как дубина, бьющая без разбора по тем, кто выделяется из общей массы.

Исторический контекст здесь критически важен. Мы видим не просто отдельные ошибки правосудия, а реставрацию модели, где человек — это лишь «расходный материал». Мария Спиридонова, чья жизнь была чередой арестов и ссылок, закончила свой путь в Орле, где в сентябре сорок первого года, ее расстреляли вместе с другими политзаключенными. Ее заключение в психиатрическую больницу в начале двадцатых было лишь прелюдией к физическому уничтожению. Сегодняшние методы кажутся менее кровавыми на первый взгляд, но они так же эффективно разрушают жизни. Принудительное лечение может длиться дольше, чем самый суровый уголовный срок, и оно оставляет на человеке метку, которую невозможно смыть. Кроме того, это психиатрическое клеймо лишает человека индивидуальности, делая его голос неразличимым в общественном пространстве.

Абсурд обвинений против Сизикова, когда слепому человеку инкриминируют чтение книг, находит отголосок в преследовании за слова, которые были вырваны из контекста или интерпретированы экспертами-лингвистами с заранее заданной целью. В современной России экспертиза стала царицей доказательств, подменяя собой свидетельские показания и материальные улики. Если эксперт говорит, что фраза нет войне дискредитирует армию, суд принимает это как истину в последней инстанции. Если психиатр говорит, что вера в возможность мирных перемен — это признак расстройства, это становится юридическим фактом. В данной ценностной шкале Александр Габышев, идущий изгонять демона, становится опасным государственным преступником, а слепой Александр Сизиков — главой террористического подполья. Это мир, где логика Кафки встречается с жестокостью ГУЛАГа.

Вплетая истории Габышева, Петровой, Данилович и Сизикова в единое повествование, мы видим контуры новой реальности, где правовая определенность полностью отсутствует. Любой человек может быть объявлен террористом или сумасшедшим на основании абсурдных допущений. Катастрофа ситуации заключается в том, что общество постепенно привыкает к этому абсурду, воспринимая его как неизбежный фон жизни. Но за каждым таким делом стоит живой человек, чья боль реальна, чья тьма, как у Сизикова, не метафора, а физическая данность, и чье достоинство подвергается самому суровому испытанию в стенах судов и психиатрических палат. Когда врач становится соучастником репрессий, его белый халат превращается в мундир.

В случаях с Габышевым и Петровой мы видим, как врачебная этика пасует перед государственным заказом. Принудительное назначение нейрорепрессантов людям, которые в них не нуждаются, — это форма химической пытки. Это попытка изменить личность, стереть те черты характера, которые делают человека гражданином, способным на протест. Это создает атмосферу всеобщего подозрения и страха, где любой акт самовыражения может привести к потере не только свободы, но и собственной личности под воздействием препаратов.

Преследования сигнализируют о том, что репрессивный аппарат готов контролировать не только реальное поведение, но и фантазии, намерения, даже те, что выражены в цифровой, игровой форме. Приходит осознание, что карательная психиатрия и сфабрикованные дела — это фундаментальная характеристика страны, которая боится собственного народа. Но именно истории этих людей — Сизикова, Габышева, Петровой — напоминают нам о том, что даже в условиях самого черного абсурда человеческий дух остается непокоренным, и правда, какой бы неудобной она ни была, продолжает звучать сквозь стены тюрем и психиатрических больниц, связывая прошлое и настоящее в единую цепь борьбы за право быть человеком.

Самым страшным проявлением этого безумия становится разрушение семей. В залах судов, под равнодушными взглядами приставов, разыгрываются трагедии, которые не под силу описать даже самым талантливым драматургам. Мать, чья единственная вина заключается в посещении нетрадиционной религиозной общины, внезапно обнаруживает, что ее право на воспитание собственных детей аннулировано. Эксперт, едва взглянув на медицинскую карту и протоколы допросов, выносит вердикт о деформации личности и неспособности обеспечить гармоничное развитие ребенка. Детей отрывают от родителей не потому, что те проявляли жестокость, а потому, что их молитвы не соответствуют государственному стандарту. Это легализованное похищение, прикрытое заботой о психическом здоровье нации, превращает залы судов в пункты распределения живого товара, где лояльность системе ценится выше кровных уз.

То, что сегодня кажется локальной юридической коллизией, на поверку оказывается глобальной методологией разделения через самое уязвимое место — родительскую любовь. История современного антикультизма глубоко укоренена в западной почве, где ледяное равнодушие бюрократии впервые встретилось с фанатизмом самопровозглашенных борцов за чистоту общественного сознания.

В июне 1984 года тихий штат Вермонт содрогнулся от того, что позже назовут рейдом в Айленд-Понд. Ранним утром, когда туман еще не сошел с полей, более девяноста вооруженных полицейских, словно проводя операцию против опасного террористического синдиката, ворвались в дома мирной общины Двенадцать колен. Целью были дети. Сто двенадцать маленьких жизней были одномоментно вырваны из привычного мира. Основанием для этой масштабной карательной акции послужили не зафиксированные факты насилия или медицинские свидетельства, а ядовитые шепоты бывших членов общины и так называемых экспертов-депрограмматоров. Это был масштабный эксперимент, где государственное насилие оправдывалось высшим

благом, а страх перед непонятным иным стал лицензией на разрушение домашнего очага. Несмотря на то, что позже суд штата признал рейд незаконным, а дело рассыпалось в прах, когда выяснилось, что ключевые свидетели находились под колоссальным психологическим давлением антикультовых активистов, невидимый рубеж был перейден. Маленькие дети, которых часами допрашивали без присутствия родителей, пытаясь выудить из них подтверждение безумных теорий взрослых, получили глубочайшую психологическую травму. Государство показало, что оно может войти в спальню к ребенку в любое время, если сочтет мысли его родителей социально неприемлемыми.

Спустя четверть века, в 2008 году, похожий сценарий повторился в Техасе, в поселении Фундаменталистской церкви Иисуса Христа Святых последних дней. Здесь антикультовая методология, продемонстрировав леденящее душу торжество псевдоюридической логики. Власти использовали чудовищную концепцию единого домовладения. Согласно этой логике, если в огромной общине возникло подозрение в отношении хотя бы одного взрослого, опасными и деструктивными признаются абсолютно все семьи без исключения. Четыреста шестьдесят восемь детей были оторваны от матерей и распределены по приютам штата. Фотографии женщин в длинных платьях, бегущих за автобусами, в которых увозили их детей, облетели мир, но мало кто услышал в этих кадрах вопль растоптанной справедливости. В судах Техаса звучали те же аргументы, которые мы с пугающей частотой слышим сегодня: религиозная среда якобы подавляет волю, дети не видят альтернатив, а личность родителей необратимо деформирована культом. По сути, родителям вменялось в вину само их существование в рамках определенной веры. И хотя Верховный суд Техаса позже признал действия социальных служб грубейшим превышением полномочий, указав, что вера родителей не является доказательством угрозы физической безопасности, процесс

уже был запущен. Детей возвращали по капле, превращая воссоединения семей в издевательский квест с бесконечными психологическими проверками на лояльность общепринятым нормам, словно верность своей семье была признаком психического расстройства.

Старый Свет, веками кичащийся своей толерантностью и защитой прав личности, оказался не менее жестоким, когда дело коснулось защиты государственного стандарта сознания от тех, кто мыслит иначе. В 2013 году Германия продемонстрировала миру, как работает карательная педагогика в ее самом отточенном виде. В Баварии у членов общины Двенадцать колен было изъято сорок детей. Роль религиозных экспертов заключалась не в поиске истины, а в обосновании уже принятого решения. Вместо исследования реального состояния каждого конкретного ребенка, анализа его привязанностей и уровня развития, они кропотливо анализировали теологические тексты общины. В тени этого процесса стояли фигуры, подобные Сабине Риде, чья организация, входящая в сеть европейской антикультовой федерации FECRIS, годами готовила почву для этой расправы.

Именно такие эксперты, облаченные в мантии защитников общественной морали, убедили представителей государства в том, что внутри общины зреет угроза. Они описывали мирные фермы как места систематического истязания, где каждая розга, упомянутая в древних библейских текстах, превращалась в их воображении в инструмент пыток. Когда полиция ворвалась в дома, они искали следы насилия, но нашли лишь чистоту, порядок и детей, которые не понимали, почему люди в черной форме разлучают их с самыми близкими.

Бюрократический молох работал без сбоев: детей распределили по приемным семьям, запретив им даже малейший контакт с родными. Врачи, обследовавшие изъятых детей, не нашли на их телах признаков жестокого обращения, но это уже не имело значения. Процесс

«спасения» был запущен, и он не мог признать свою ошибку, потому что право семей на собственные убеждения и обособленный образ жизни было заранее принесено в жертву догме о государственном контроле над душой ребенка.

Шок детей, оказавшихся в чужих домах среди незнакомых людей с иными ценностями, невозможно передать словами. Их привычный мир, наполненный совместным трудом, песнями и молитвами, рухнул в одночасье. Вместо любви родителей им предложили холодный паек казенной заботы. Это была не просто юридическая ошибка, это был акт идеологического геноцида, совершенный в самом сердце просвещенной Европы. Кто-то решил, что он лучше знает, как сделать ребенка счастливым, даже если для этого нужно растоптать его сердце. Европейский суд по правам человека позже рассмотрит жалобы родителей, но сухие строки его решений не смогут вернуть утраченные годы детства и не затянут раны в душах тех, кто навсегда запомнил вкус предательства со стороны государства, обещавшего защиту.

Однако именно в России после 2017 года эта схема приобрела особенно жесткие формы в отношении Свидетелей Иеговы, заставляя тысячи семей Свидетелей Иеговы вздрагивать от каждого шороха за дверью. После запрета организации многие семьи столкнулись с обысками, уголовным преследованием, эмиграцией и постоянным страхом за детей. Родители-верующие внезапно осознали, что их дети больше не принадлежат им — они принадлежат системе, которая готова забрать их прямо из песочницы, чтобы отправить в приюты на перевоспитание.

Семьи были вынуждены бежать среди ночи, побросав нажитое имущество, лишь бы сохранить право быть вместе. Хватая сонных детей, они мчатся к границе, становясь беженцами в поисках той самой Германии, которая когда-то сама не смогла защитить своих граждан от подобного безумия. Это горькая ирония истории: люди бегут из одной

страны в другую, надеясь, что там инквизиция еще не обрела такую абсолютную власть.

Философия этого процесса пугающе проста: государство претендует на роль высшего родителя. Оно заявляет, что забота о психическом здоровье нации дает ему право вторгаться в самую интимную сферу человеческого бытия — в отношения между матерью и ребенком. Антикультовые эксперты становятся современными судьями душ, претендуя на знание того, что происходит в глубине чужого сознания. Они выносят вердикты о зависимости и несвободе, сами являясь рабами своей нетерпимости. Под предлогом спасения детей от вымышленных угроз, они наносят им реальные, неизлечимые травмы, разрушая единственную опору, которая есть у человека в этом мире — его семью. Когда в зале суда звучат сухие отчеты о деформации личности, за ними скрывается полное отсутствие эмпатии и понимания природы веры. Свобода совести, за которую человечество платило кровью на протяжении веков, сегодня обесценивается экспертными заключениями, написанными под копирку. Мы наблюдаем рождение новой формы вседозволенности, которая не нуждается в колючей проволоке, потому что она научилась разрушать человека изнутри, отнимая у него самое дорогое. Семья перестает быть священным убежищем, превращаясь в прозрачную клетку, за которой неустанно следит око сектоведа. Каждое слово, сказанное ребенку перед сном, каждая молитва, прошептанная в тишине, может стать уликой в деле об изъятии.

Главными российскими идеологами этой войны против так называемых «сект» и нетрадиционных религиозных движений стали Александр Дворкин и Роман Силантьев. Их звучные, но пустые титулы сектоведов и деструктологов скрывают за собой создание целой индустрии спорных экспертиз, поставленных на конвейер. Именно их научные труды, лишённые какой-либо эмпирической базы, ложатся в основу обвинительных заключений, где обычная, мирная христианская

жизнь описывается как сложная технология подавления воли. Механизм этой стигматизации прост и ужасен в своей эффективности, он не требует доказательств вины, ему достаточно лишь клейма. Первым этапом становится диагноз без осмотра: эксперт выносит вердикт о деформации личности родителя, основываясь лишь на его принадлежности к запрещенной организации. Затем следует искаженное восприятие самой веры, когда совместное чтение Писания, обсуждение моральных ценностей или тихое пение псалмов в кругу семьи интерпретируется как психологическое насилие над несовершеннолетними. Финалом становится резкое сужение правового пространства для семьи и верующего человека. На основании такой экспертизы суды ограничивают или полностью лишают родительских прав, превращая детей в инструмент давления на подсудимых, в заложников, которыми торгуют в обмен на отречение от убеждений.

Если всмотреться в лица тех, кого антикультисты пытаются стереть в порошок, становится по-настоящему страшно от будничности этого зла. Вспомните дело Геннадия Шпаковского из Пскова. Шестидесятиоднолетний мужчина, чья жизнь была посвящена труду и заботе о близких, получил шесть с половиной лет колонии, позднее замененных в апелляции на условное осуждение. Его преступление заключалось лишь в том, что он молился с друзьями в своей квартире. В ходе процесса эксперты на полном серьезе обсуждали, как его вера разрушает социальные связи, словно социальные связи, навязанные тюремным забором, более благотворны для человека. Или Юрий Савельев из Новосибирска, приговоренный к шести годам по аналогичному обвинению, связанному с продолжением деятельности запрещенной организации Свидетелей Иеговы. Для антикультистов эти люди — не дедушки, не отцы и не братья; в них они не видят человека.

Трагедия матери в Перми, чья жизнь была превращена в пепел только потому, что она искала ответы на жизненные вопросы в тренингах, не одобренных официальными инквизиторами. Елена,

успешная предпринимательница, внезапно превратилась в мишень. Ее бывший муж, вооружившись справками от РАЦИРС и лично пригласив Дворкина в зал суда, разыграл карту сектантства как главный козырь в борьбе за ребенка. В зале суда повисла гнетущая тишина, когда приглашенный эксперт, никогда прежде не видевший Елену, начал вещать о ее деформации личности. Он жонглировал псевдонаучными терминами, описывая ее как зомбированного адепта, неспособного отличить добро от зла. И судья, чей разум был заранее отравлен годами антикультовой пропаганды в прессе, внимал этим речам как истине в последней инстанции. Мать кричала, ее голос срывался на хрип, она умоляла увидеть в ней человека, а не схему из учебника по сектоведению, но ее крик тонул в вязком болоте юридического абсурда. Маленький мальчик Костя стал заложником этой бумажной войны. Его не забирали у матери из-за бедности или вредных привычек — его забирали из-за идеологической неблагонадежности. В этих процессах нет места любви или интересам несовершеннолетнего, есть только торжество догмы и холодный расчет манипуляторов человеческими душами.

Абсурдность происходящего подчеркивается тем, что те, кто кричит о защите детей, сами становятся их главными преследователями. Разлука с матерью для ребенка — это катастрофа космического масштаба, сравнимая с угасанием солнца. Но для бюрократа в погонах или эксперта с дипломом сомнительного вуза это всего лишь процедура, галочка в отчете об успешной борьбе с деструктивными элементами. Они не слышат плача в приемных семьях, не видят кошмаров, которые снятся детям в казенных кроватях. Они упиваются своей властью определять, чья любовь законна, а чья — преступна. Если кровные узы больше не являются защитой, если слово эксперта весит больше, чем сердце матери, то мы теряем право называться цивилизованными людьми. Защита психического здоровья превращается в орудие подавления.

Следом за разрушением семьи идет социальная и экономическая аннигиляция. Конфискация имущества, оправданная борьбой с экстремистскими организациями, превращается в инструмент дополнительного давления на обвиняемых и их семьи. Людей лишают крова, сбережений и средств к существованию в связи с уголовным преследованием, запретами организаций и сопутствующими имущественными мерами. Запрет на профессию становится последним штрихом в этой картине преследований.

Лето 2013 года стало периодом глубочайшей институциональной трансформации российской науки, когда внезапная инициатива правительства по реформированию Российской академии наук спровоцировала масштабный кризис в отношениях между государством и научным сообществом. В условиях этого «блицкрига», как окрестили процесс принятия законопроекта многие наблюдатели, обсуждение будущего фундаментальных исследований вышло далеко за пределы узкоспециальных академических кругов. Одной из наиболее резонансных и неожиданных сторон этой дискуссии стало активное вмешательство представителей Русской православной церкви, и в первую очередь протоиерея Всеволода Чаплина. Его предложения по введению жестких критериев оценки профессиональной пригодности ученых добавили в и без того напряженную атмосферу реформы элемент острого межсословного конфликта, высветив новые грани взаимодействия светских и религиозных институтов в современной России.

Исторический контекст реформы июля 2013 года характеризовался беспрецедентной скоростью принятия решений и отсутствием предварительного обсуждения с самой Академией. Законопроект, предложенный правительством Дмитрия Медведева, предполагал фактическое слияние РАН с отраслевыми академиями медицинских и сельскохозяйственных наук, а также передачу управления имуществом и финансовыми потоками специально созданному Федеральному

агентству научных организаций. Для научного сообщества это означало утрату вековой автономии и переход под контроль бюрократического аппарата. В ответ на это по всей стране начались протесты, ученые выходили на «похороны науки», организовывали серии пикетов и академических собраний, пытаясь донести до власти пагубность разрушения сложившейся системы преемственности и самоуправления. Именно в этот кульминационный момент, 4 июля 2013 года, прозвучали заявления Всеволода Чаплина, которые внесли дополнительный раскол в общественную дискуссию. Протоиерей Всеволод Чаплин, занимавший в то время пост председателя Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества Московского патриархата, выступил с инициативой введения так называемых критериев дееспособности для руководителей науки и ученых, занимающих ключевые административные посты в системе РАН. Его позиция основывалась на тезисе о необходимости преодоления застоя, который, по его утверждению, охватил многие академические институты. Аргументация Чаплина апеллировала к эффективности: он указывал на то, что значительное число лиц, официально числящихся на ответственных должностях, фактически устранилось от активной научной жизни. Протоиерей подчеркивал, что в системе Академии наук существует прослойка людей, которые годами не публикуют научных работ в авторитетных изданиях, не выступают на публичных площадках и крайне редко появляются в своих институтах. С его точки зрения, таких сотрудников вряд ли можно называть действующими учеными, а их пребывание на руководящих постах блокирует развитие науки и лишает ее динамики. Особое внимание в предложениях Чаплина уделялось разработке специальных механизмов выявления неэффективных управленцев от науки. Он призывал к созданию системы объективных показателей, которые позволяли бы отсеивать тех, кто пользуется привилегиями академического статуса, не принося при этом реальной пользы исследовательскому процессу. Важно отметить, что протоиерей при этом признавал неоднозначность самого

правительственного законопроекта и с сочувствием отзывался о боли авторитетных ученых, опасаящихся потери независимости. Тем не менее, его фокусировка именно на кадровой чистке и введении внешнего контроля над дееспособностью академиков была воспринята научным сообществом как попытка легитимизировать давление на Академию со стороны внешних, в том числе идеологических, сил.

В медийном пространстве того периода часто возникали дискуссии о природе влияния Всеволода Чаплина был заметной публичной фигурой и активным участником общественно-политических дискуссий. Его близость к высшим властным элитам и участие в работе Общественной палаты России позволяли ему транслировать идеи, которые зачастую воспринимались как пробные шары, запускаемые государственным аппаратом для прощупывания общественной реакции. На этом фоне в некоторых СМИ и социальных сетях стали появляться спекулятивные предположения о возможной аффилированности протоиерея со спецслужбами. В контексте реформы РАН 2013 года фигура Чаплина выступала скорее, как символ неформального влияния Церкви на государственную политику, а его заявления отражали его статус как идеолога, имеющего прямой доступ к коридорам власти. Слухи о его связи со спецслужбами во многом подпитывались его жесткой риторикой и умением синхронизировать церковную повестку с актуальными политическими задачами исполнительной власти.

Реакция научного сообщества и широкой общественности на заявления представителя Московского патриархата была предсказуемо острой. Ученые восприняли предложения о введении «критериев дееспособности» из уст священнослужителя как вопиющее вмешательство Церкви в дела светской науки и нарушение конституционного принципа разделения сфер. Возмущение вызывал сам факт того, что религиозный деятель берет на себя роль судьи в вопросах профессиональной компетенции исследователей, чья

деятельность регулируется рациональными, а не теологическими стандартами. Многие академики видели в этом опасный прецедент возвращения к практикам идеологического надзора, когда лояльность и соответствие внешним критериям «полезности» ставятся выше научной истины.

В академической среде инициатива Чаплина сравнивалась с «артиллерийской подготовкой», призванной оправдать в глазах обывателя радикальный передел собственности и лишение ученых прав на управление имуществом Академии. Общественная дискуссия вокруг слов Чаплина также выявила глубокое недоверие между интеллектуальной элитой и представителями официальных религиозных институтов. Критики указывали на то, что попытка Церкви участвовать в реформировании светских структур выглядит неуместно на фоне собственных нерешенных проблем подотчетности и эффективности внутри церковной организации. Тем не менее, выступление протоиерея сыграло свою роль в формировании информационного поля реформы, создав дополнительный рычаг давления на руководство РАН. Его аргументы о «застое» и «непубличности» некоторых академиков попали в нерв общественных ожиданий перемен, хотя и были поданы в форме, вызвавшей отторжение у профессионального сообщества.

В конечном итоге инициатива Всеволода Чаплина 2013 года осталась в истории как один из самых ярких примеров экспансии религиозной риторики в сферу государственного управления наукой. Несмотря на то, что предложенные им критерии не были официально интегрированы в текст закона в их первоначальном виде, сама тональность его выступлений способствовала десакрализации академического статуса в глазах части общества. Реформа РАН была доведена до конца, приведя к созданию ФАНО и существенному ограничению полномочий президиума Академии, а дискуссия о «дееспособности» ученых перешла в плоскость бюрократических

метрик и наукометрических показателей. Фигура протоиерея в этом процессе выступила одним из публичных маркеров перехода к новой, более жесткой модели государственного менеджмента в области высоких технологий и фундаментального знания.

Примеры реализации подобных механизмов «экспертизы» и фильтрации идей уже существовали в других сферах деятельности РПЦ, что позволяло рассматривать предложения по реформе РАН как попытку масштабирования этого опыта. Наиболее показательна здесь связь с антикультовым движением, институционально представленным РАЦИРС. Под эгидой этой организации и при активной поддержке церковных структур долгие годы выстраивалась система внесудебной и квазинаучной оценки различных интеллектуальных и духовных течений. Критерием истины становилась не рациональная доказательность или профессиональный консенсус, а соответствие заданному канону «традиционности» и лояльности государственно-церковному союзу.

Ученые с мировым именем, педагоги и врачи в одночасье оказывались на обочине жизни, когда в их личное дело ложилась справка о причастности к опасному культу. Ярким примером этой тенденции стала судьба академика Сергея Абрамова. Человек, чьи идеи и разработки в области суперкомпьютеров двигали вперед отечественную науку, оказался под домашним арестом и был направлен на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Поводом послужили обвинения в финансовой поддержке организации, которую чиновники произвольно сочли экстремистской. Использование методов карательной психиатрии против выдающегося ученого свидетельствует о том, что это не просто юридическая ошибка, а целенаправленное уничтожение интеллектуального капитала страны в угоду идеологической чистоте.

Если в России Александр Дворкин создавал общую идеологическую базу, то Роман Силантьев довел карательный инструментарий до

технологического совершенства, придав репрессиям наукообразную форму. Он открыто признает свое тесное сотрудничество с ФСБ, фактически превращая академическую кафедру в идеологический придаток следственного изолятора. Именно такие экспертные заключения становятся тем самым ключом, который открывает двери тюремных камер для представителей интеллигенции.

Конвейер абсурдных обвинений наглядно виден в деле театрального спектакля «Финист — Ясный сокол». Режиссерка Евгения Беркович и драматург Светлана Петрийчук стали жертвами именно деструктологической экспертизы Силантьева, которая усмотрела оправдание терроризма и признаки радикального феминизма в постановке, ранее удостоенной престижной национальной премии «Золотая маска». Аналогичным образом была попытка криминализовать профессиональную деятельность журналистки Светланы Прокопьевой. Ее аналитический разбор причин социального протеста был интерпретирован экспертами-антикультистами как оправдание терроризма, что свидетельствует о стремлении подавить любую попытку честной общественной дискуссии. Эти процессы, как и преследование академика Абрамова, объединены общим вектором: следствие опирается не на объективные факты или доказательства подготовки преступлений, а на субъективные, идеологически ангажированные выводы назначенных экспертов. Лингвистический и религиоведческий анализ окончательно превратился в способ подгонки реальности под заранее заданный обвинительный приговор.

Мишенью становятся носители критического мышления в самом широком смысле. Учителя, врачи, ученые и деятели искусства попадают под каток государственной машины только за то, что их взгляды, творческие поиски или научные связи выходят за рамки узкого коридора, очерченного фигурами вроде Дворкина и Силантьева. Уничтожая интеллектуальную элиту и запугивая общество призраками вымышленных опасных культов, организаторы этих преследований

лишают страну будущего, превращая ее в территорию страха и интеллектуальной пустыни. Расправа над творческой и научной элитой под прикрытием борьбы с экстремизмом является не актом защиты государства, а процессом его ускоренного саморазрушения.

Прецедент создан, и это ставит под сомнение свободное будущее каждого из нас. И пока антикультовые эксперты будут диктовать судам свою волю, пока их предвзятые мнения будут заменять собой доказательства и здравый смысл, никто не может чувствовать себя в безопасности. Французский опыт в этом контексте выглядит особенно показательно. Закон Абу-Пикар, принятый под предлогом защиты граждан от психологического давления, усилил механизмы преследования за злоупотребление слабостью и состоянием психологической подчиненности, которое можно применить практически к любому человеку, глубоко преданному своей идее. Под маской прогрессивного законодательства критики усматривают риск использования расплывчатых категорий против непопулярных религиозных движений. Этот подход стал важным прецедентом для европейской антикультовой политики.

Научное сообщество в лице таких исследователей, как Айлин Баркер или Массимо Интровинье, давно разоблачило теории промывания мозгов как миф, не имеющий под собой никакой базы. Однако в залах судов эти призраки прошлого продолжают править бал. Псевдонаука удобна власти, потому что она позволяет обходить презумпцию невиновности. Если нельзя доказать преступное действие, можно доказать преступное состояние сознания. И здесь эксперт-психиатр становится идеальным исполнителем: он не ищет улики, он считывает скрытую угрозу, которую обычный человек увидеть не в состоянии.

Разрушительные последствия этой практики выходят далеко за пределы конкретных судебных залов. Это духовное убийство, о котором писал Александр Солженицын, сравнивая помещение

здоровых людей в сумасшедшие дома с газовыми камерами, только более жестокими, так как они убивают личность, оставляя тело функционировать. Когда общество соглашается с тем, что веру человека можно лечить принудительно, оно делает первый шаг к полному контролю, где любая оригинальность мысли будет караться. Каждое заседание — это урок абсурда, где адвокаты пытаются взывать к конституции, а судьи смотрят сквозь них, ожидая команды от тех, кто дирижирует этим процессом из высоких кабинетов. Здесь нет места логике, есть только право сильного, облеченное в форму медицинского протокола. Конфискация имущества превращается в средство давления, лишение родительских прав — в способ шантажа, а психиатрическая больница — в конечную станцию для тех, кто отказался предать свою совесть.

Мы должны понимать, что залы судов, где сегодня ломают судьбы — это испытание методов подавления любого будущего протеста. Завтра можно объявить сумасшедшим того, кто по-другому молится; та же участь постигнет того, кто по-другому голосует или просто задает неудобные вопросы. Правосудие абсурда не нуждается в истине, оно нуждается в покорности. Оно использует залы судов не для установления справедливости, а для проведения ритуалов исключения, где из общества изгоняются те, кто посмел сохранить внутреннюю автономию. И пока мы молчим, глядя на то, как разрушаются чужие семьи и конфискуется чужое имущество, мы сами помогаем продолжать возводить стены этой глобальной психиатрической тюрьмы, где свобода совести будет объявлена общественной угрозой.

Глава 3. Психологический корень происходящего

Исследование феномена карательной психиатрии и современного антикультизма требует выхода за рамки простого исторического описания и обращения как к историческому материалу, так и к анализу идеологических и институциональных механизмов. В центре этой парадигмы нередко оказывается тип деятеля, стремящегося к нормативному контролю над убеждениями и поведением других людей. Мы наблюдаем поразительную преемственность между «железным» фанатизмом Феликса Дзержинского, искаженным наукообразием Андрея Снежневского и агрессивной риторикой современных борцов с «культами», таких как Александр Дворкин. Стоит лишь обратить психологический анализ на тех, кто сам навешивает его на других, и откроется поразительная закономерность: эти личности часто движимы одним и тем же вектором. Под ним подразумевается трансформация личного безумия в институциональное насилие.

Обратимся к личности Феликса Дзержинского. Юноша, грезивший о католическом священстве и обладавший почти болезненной религиозной экзальтацией, совершил резкий разворот к воинствующему атеизму и террору. Религиозный пыл, не найдя выхода в традиционной церкви, сублимировался в марксистское мессианство. Смерть сестры Алдоны в юности, сопровождавшаяся чувством вины и непредсказуемой болью, создала в душе Дзержинского вакуум, который он заполнил железной дисциплиной и аскетизмом. Его знаменитые «чистые руки» — это навязчивое стремление к ритуальной чистоте палача, который сжигает тела, чтобы «спасти» души или, в его случае, «социальное тело» государства. Параноидальная акцентуация личности Дзержинского диктовала ему мир, разделенный на абсолютное добро (пролетариат) и абсолютное зло (враги революции),

что позволило ему первым использовать психиатрию как метод изоляции Марии Спиридоновой, тем самым заложив основы великого перевертыша реальности.

Андрей Снежневский стал ключевым теоретиком советской психиатрической школы, чья концепция «вялотекущей шизофрении» позднее стала одним из инструментов политических злоупотреблений психиатрией. Сконструированная им теория «вялотекущей шизофрении» подвергалась резкой критике за размытость критериев и возможность ставить диагноз людям без выраженной психотической симптоматики. Такую деятельность можно отнести к компенсаторному нарциссизму ученого, который возвышался над реальностью, создавая собственную вселенную, где он наделен божественным правом определять границы нормальности. Садизм Снежневского носил интеллектуальный характер; он упивался логической неуязвимостью своего детища, в то время как Дмитрий Лунц, носивший мундир КГБ под белым халатом, переводил эту теорию на язык химической кастрации разума. Садистическое удовольствие, которое такие деятели, как Лунц или современные «депрограмматоры», получают от разрушения чужой идентичности, является верным признаком их собственной психопатии. Они не просто исполняют долг; они упиваются моментом, когда человек под воздействием препаратов или психологического давления отрекается от того, что ему дорого. Это акт предельного доминирования, компенсирующий их собственное детское бессилие и униженность.

Современный этап этой деструктивной эволюции представлен фигурой Александра Дворкина, чей психологический профиль, реконструированный на основе его собственных признаний и медицинских архивов, поразительно напоминает типологию серийных манипуляторов. Глубокая дисфункция семьи, где отец фактически отсутствовал, а дедушка, прошедший через сталинские лагеря, насаждал атмосферу подозрительности и подавления, создала почву

для формирования патологического характера. Юный Александр, демонстрировавший признаки identity diffusion (диффузии идентичности), спасался от внутренней пустоты через фантастическую ложь, выдавая себя то за грека, то за индейца. Это раннее мифотворчество — не просто детские выдумки, а отчаянная попытка создать ложное «Я», способное защитить от враждебного мира. Социальная изоляция, физическая незрелость и систематические избиения в школе сформировали у него острую жажду реванша. Травматический опыт побега из лагеря в восьмилетнем возрасте, возможно, скрывающий в себе еще более глубокие слои насилия, стал триггером для развития механизмов проекции: спустя десятилетия Дворкин начнет обвинять других в том, от чего страдал сам — в «промывании мозгов» и лишении свободы.

Психиатрический анамнез Дворкина, содержащий указания на циклотимию и пограничное расстройство, является ключом к пониманию его деятельности. Человек, сам прошедший через психиатрические стационары и имеющий официальные диагнозы, связанные с эмоциональной нестабильностью и патологическим развитием личности, получает власть выносить вердикты о душевном здоровье тысяч людей. Это торжество компенсаторного механизма: бывший изгой и «пациент» становится «профессором» и мучителем. Его антикультизм — это не защита общества, а форма личной психотерапии, где он проецирует собственные внутренние конфликты на внешние группы, объявляя их «деструктивными». Здесь мы видим классическое реактивное образование: его прошлое в среде хиппи, употребление наркотиков и беспорядочные связи теперь отрицаются через яростную атаку на любые формы альтернативной духовности. Дворкин борется не с сектами, он борется со своим собственным прошлым, пытаясь уничтожить его в других людях. Патологическая жестокость под маской «спасительства» — центральный мотив, объединяющий, к примеру, Снежневского и Дворкина. Как советская

психиатрия «лечила» диссидентов от их стремления к свободе, так современные антикультисты «спасают» людей от их собственного выбора. Понятие «контроль сознания», которое Дворкин и его соратник Роман Силантьев используют как незаменимый ярлык, является прямой наследницей «вялотекущей шизофрении». Оба термина ненаучны, оба не имеют четких критериев и оба позволяют лишить человека личности. Механизмы институционализации этого безумия поражают. Когда люди с тяжелыми личностными расстройствами получают доступ к рычагам судебной власти, происходит эрозия самого понятия правосудия.

Особое внимание заслуживает механизм «садизма под маской добродетели». Дзержинский, спасающий беспризорников, и Дворкин, «освобождающий» жертв культов, используют один и тот же паттерн. Они создают образ врага, чтобы легитимизировать насилие. В их сознании мир — это поле битвы, где они являются единственными носителями нормы. Однако при ближайшем рассмотрении эта «норма» оказывается глубоко больной. Человек, который видит угрозу в молитве или медитации, который считает вегетарианство признаком безумия, сам находится в состоянии параноидального бреда. А теперь представьте, что этот абсурд не просто существует, а подкреплён полномочиями государства. Когда личная болезнь эксперта становится основой для судебного приговора, мы оказываемся в «перевернутой реальности», где врачи становятся палачами, а идеологизированные эксперты — судьями.

Феномен «власти безумия» — это не метафора, а жесткая психопатологическая реальность, объединяющая фанатиков прошлого и современных идеологов антикультизма. Исследование судеб таких личностей, как Феликс Дзержинский, Андрей Снежневский и Александр Дворкин, позволяет проследить следующую преемственность: как идеологический фанатизм, институциональная безнаказанность и псевдонаучный язык могут превращаться в государственные

инструменты насилия. Антикультизм, основанный на диагнозе, — это самая абсолютная форма тирании, потому что она претендует не только на тело, но и на право человека распоряжаться собственным разумом.

Пока общество позволяет людям с признаками тяжелых расстройств и садистическими наклонностями вершить судьбы других под прикрытием «экспертности», призрак Лунца и Снежневского будет продолжать бродить по коридорам власти и стоять за спинами антикультистов. Когнитивная свобода — право на собственный внутренний мир без вмешательства «специалистов по норме» — является последним рубежом человечности. Разоблачение скрытых мотивов и защитных механизмов тех, кто строит новые «желтые тюрьмы», — это не просто научная задача, это акт самосохранения цивилизации. Мы должны называть вещи своими именами: карательная психиатрия и антикультизм — это формы социального разрушения, при которых право на внутреннюю автономию вытесняется языком диагноза, подозрения и нормативного насилия.

Глава 4. Невидимая битва за разум.

Тьма, казавшаяся беспросветной и монолитной, начала давать трещины именно тогда, когда лидеры и деятели репрессивной психиатрии и антикультового движения уверовали в свою полную безнаказанность. На протяжении десятилетий реализаторы антикультизма, вооруженные псевдонаучными концепциями, постепенно воздвигали преграду между человеком и его правом на собственный внутренний мир. Однако история всегда оставляет место для переломного момента, когда еле заметный шепот правды

становится оглушительным набатом. Этот момент настал... Он наступил тогда, когда сопротивление правозащитников, честных ученых и самих жертв этой системы перешло из разряда разрозненных протестов в мощное международное движение за когнитивную свободу.

Первые лучи этого рассвета пробились сквозь залы судебных заседаний в Страсбурге. Победы в Европейском суде по правам человека стали не просто юридическими прецедентами, но моральными триумфами над развернувшейся сферой подавления. Знаковое дело Моцкуте против Литвы навсегда вошло в анналы правозащитного движения как сокрушительный удар по карательной психиатрии нового типа. Суд установил нарушение статьи 8 и статьи 9 Конвенции, указав, что больница незаконно раскрыла конфиденциальную информацию о пациентке и нарушила ее свободу религии, в том числе потому, что на нее оказывали давление с целью «исправить» ее убеждения и практики. Это решение стало важным подтверждением того, что государство и медицина не вправе диктовать личности, во что ей верить и как именно реализовывать свои религиозные и духовные практики.

История этого противостояния началась в 2003 году, когда Неринга Моцкуте, стремясь к внутреннему освобождению и духовному поиску, присоединилась к Центру медитации Оджас, следующему учению Ошо. То, что для самой женщины было путем обретения целостности, для консервативной общественной и медицинской среды стало поводом для агрессивного вмешательства. В мае того же года, переживая сложный эмоциональный период, она оказалась в изоляции. Пятьдесят два дня принудительной госпитализации в Вильнюсской психиатрической больнице превратились в испытание веры и воли, где диагноз острого психоза стал основанием для жесткого режима, а, как установил ЕСПЧ, врачи также пытались убедить ее отказаться от ее религии, которую считали «фиктивной».

В стенах лечебного учреждения развернулась жизненная драма. Психиатрический персонал, выйдя за рамки медицинских компетенций,

взял на себя роль цензоров человеческой совести. Врачи открыто квалифицировали духовные убеждения Моцкуте как «заблуждения», а ее медитативные практики — как проявления, подлежащие психиатрической коррекции. Пациентку подвергали систематическому давлению, вынуждая отречься от своего пути под угрозой постановки постановки диагноза, который мог повлечь ее социальную и профессиональную изоляцию. В нарушение требований врачебной тайны администрация больницы передала конфиденциальные сведения о состоянии здоровья, деталях личного обучения и интимной жизни Моцкуте представителям средств массовой информации. Эти данные стали основой для документального фильма, в котором заявительница и ее духовное сообщество были представлены в крайне негативном свете. Государственный институт, обязанный защищать уязвимого человека, превратился в инструмент публичной дискредитации, выставляя сокровенные аспекты человеческой жизни на всеобщее обозрение.

Спустя пятнадцать лет изнурительной борьбы, 27 февраля 2018 года, Европейский суд по правам человека вынес исторический вердикт, ставший торжеством справедливости. Суд единогласно признал нарушение статьи 8 Конвенции, установив, что вмешательство в право на уважение частной жизни не было осуществлено в соответствии с законом. Более того, признание нарушения статьи 9 (пятью голосами против двух) подтвердило право человека на свободу мысли, совести и религии: ни одно медицинское учреждение не обладает авторитетом оценивать истинность или легитимность религиозных взглядов личности. Суд напомнил миру, что психиатрические пациенты требуют повышенной бдительности в защите их прав, а не превращения их в объекты для идеологических экспериментов.

Глубокое философское значение дела Моцкуте заключается в разоблачении «тихого» зла, которое маскируется под заботу о

здоровье. Победа в Страсбурге провозгласила неприкосновенность автономии личности и доказала, что человеческое достоинство является той невидимой крепостью, которую невозможно разрушить даже самыми суровыми методами принуждения. Этот процесс стал напоминанием о том, что свет истины способен разогнать мрак институционального насилия, оставляя за человеком право на собственный путь к Богу, истине и самому себе.

За этим последовали разгромные доклады Организации Объединенных Наций и Комиссии США по международной религиозной свободе, которые открыто назвали деятельность таких структур, как FECRIS и РАЦИРС, серьезной угрозой фундаментальным свободам. В этих документах антикультизм был окончательно демаскирован не как защита общества, а как инструмент дегуманизации, использующий риторику промывания мозгов для оправдания преследований. Эта битва напоминала классический сюжет о Давиде и Голиафе. На одной стороне стоял мощный конгломерат из государственных силовых структур, ангажированных экспертов и медийных гигантов, годами формировавших атмосферу сектафобии. На другой — горстка отважных адвокатов, независимых социологов и выживших жертв, у которых не было ничего, кроме их слова и верности истине.

Такие исследователи, как Айлин Баркер, Джеймс Ричардсон и Массимо Интровинье, стали интеллектуальными лидерами этого сопротивления. Они шаг за шагом разрушали мифы о контроле сознания, доказывая, что эти теории лишены какой-либо научной основы и служат лишь социальным оружием для дискредитации неудобных меньшинств. Эта плеяда ученых совершила настоящий академический подвиг, пойдя против течения популистской паники и восстановив права человека в сфере, где долгое время господствовала иррациональность и страх.

Айлин Баркер в своих фундаментальных трудах показала, что выбор религии — это акт воли, а не результат гипнотического транса,

тем самым вернув миллионам людей их человеческое достоинство и статус разумных индивидов. Её путь к разоблачению мифа о «промыывании мозгов» начался с глубокого погружения в реальность, которую другие предпочитали описывать издали. В конце 1970-х годов, когда западное общество было охвачено страхом перед новыми религиозными движениями, Баркер предприняла беспрецедентное семилетнее исследование Церкви Объединения. Результатом стала книга «The Making of a Moonie: Brainwashing or Choice?», которая стала одной из наиболее влиятельных работ в полевой социологии новых религиозных движений. Баркер не просто теоретизировала, она посещала семинары, проводила полевые наблюдения и опрашивала сотни адептов. Ее выводы вызвали широкий резонанс: выяснилось, что подавляющее большинство людей, посетивших «вербовочные» мероприятия, никогда не вступали в организацию, а те, кто вступал, зачастую покидали ее в течение первых двух лет.

Статистика Баркер была неумолима: из тысяч потенциальных рекрутов лишь малая доля становилась постоянными членами. Это серьёзно подрывало концепцию «неотразимого гипнотического воздействия». Если бы «промыывание мозгов» действительно работало как универсальный и почти автоматический технологический процесс, эффективность конверсии была бы близка к абсолютной. Баркер показала, что обращение в новую веру — это сложный процесс взаимодействия двух активных сторон, где индивид ищет ответы на свои экзистенциальные вопросы, а группа предлагает свою модель мира. В 1988 году она основала организацию INFORM (Information Network Focus on Religious Movements), целью которой стало предоставление объективной, научно выверенной информации о новых религиях. INFORM стала барьером на пути насильственного «депрограммирования», спасая семьи от паники и предотвращая похищения людей, совершаемые под предлогом их «спасения». Труды Баркер укрепили в академической среде представление о

рациональности человеческого субъекта, способного совершать даже радикальный выбор, исходя из собственных внутренних убеждений, а не только внешнего манипулирования.

В то же время Джеймс Ричардсон сосредоточил свои усилия на пересечении социологии и права. Будучи профессором социологии и исследователем судебных процессов, он осознал, что теория «контроля сознания» — это не просто ошибка психологов-дилетантов, но опасный юридический инструмент. Ричардсон детально проанализировал, как антикультовое движение пыталось внедрить псевдонаучные концепции в судебную систему США и Европы, чтобы обосновывать ограничения в отношении религиозных меньшинств. Его критика использования психиатрии как инструмента подавления была беспощадной. Он указывал на то, что психиатрические диагнозы часто использовались для стигматизации верующих, лишая их правовой дееспособности. Роль Ричардсона в судах была значительной. Он выступал экспертом в знаковых процессах, доказывая, что концепция «принудительного убеждения» не имеет научного консенсуса. Благодаря его усилиям и работам таких коллег, как Дик Энтони, Американская психологическая ассоциация (АРА) не признала достаточной научную обоснованность ряда версий теории контроля сознания и не дала им институционального одобрения. Ричардсон показал, что за терминологией «культовой угрозы» скрывается классическая моральная паника, используемая государством и традиционными институтами для контроля над социальными девиантами. Его правовой анализ помог закрепить в международной практике понимание того, что государство не имеет права судить об истинности или «здоровье» религиозных убеждений, если они не нарушают уголовное законодательство. Он последовательно защищал право индивида на ошибку, на эксцентричность и на самоопределение, отстаивая принципы религиозной свободы, закреплённые в американском и европейском праве.

Массимо Интровинье, основатель Центра изучения новых религий (CESNUR), расширил поле борьбы до глобального масштаба. Его деятельность охватывает не только академические круги, но и сферу защиты прав человека через издание *Bitter Winter* — журнала, ставшего важным источником информации о преследованиях религиозных меньшинств. Интровинье последовательно разоблачает современные мутации старых мифов. В частности, он подверг уничтожающей критике модель BITE Стивена Хассана, которую он охарактеризовал как попытку возродить дискредитированные теории 1970-х годов под новой формой. Интровинье подчеркивает, что современные антикультисты пытаются представить любые глубокие убеждения как результат манипуляции, если эти убеждения не вписываются в секулярный мейнстрим. Его работа по защите прав меньшинств в Китае, Японии и Европе демонстрирует, как ярлык «культа» может использоваться для оправдания тюремного заключения, пыток и запрета деятельности. Массимо Интровинье последовательно утверждает, что научная честность требует изучения религии с учетом внутренней логики и смыслов, которые сами верующие вкладывают в свои действия. Он подчеркивает, что свобода религии — это не привилегия, которую государство дарует «приличным» конфессиям, а фундаментальное право каждого человека, включая тех, чьи взгляды кажутся большинству странными или неприемлемыми.

Невозможно представить это интеллектуальное сопротивление без титанического труда Дж. Гордона Мелтона. В эпоху, когда о новых религиях судили по газетным заголовкам, Мелтон начал создавать энциклопедическую базу знаний. Его «*Encyclopedia of American Religions*» и сотни других трудов создали фактический фундамент, на котором стало возможным строить серьезную дискуссию. Мелтон был одним из первых, кто способствовал закреплению различия между богословской критикой (контркультовым движением) и социальным преследованием (антикультовым движением). Мелтон активно боролся

с практикой депрограммирования, считая ее принудительной практикой, нарушающей права личности и свободу совести. Его феноменологический подход позволил увидеть в новых религиозных движениях не «опухоли на теле общества», а естественное проявление религиозного плюрализма, характерного для любой свободной культуры. Когда в 1995 году произошла трагедия Аум Синрикё, именно Мелтон призывал избегать поспешных обобщений и переносить ответственность одной группы на все религиозные меньшинства. Его приверженность фактам и энциклопедическая точность существенно затруднили использование грубых обобщений в академической среде.

Дэвид Бромли и Энсон Шуп внесли в дискурс важнейший социологический компонент, проанализировав антикультовое движение как форму социальной инквизиции. В своей

классической работе «Strange Gods» они показали, что общество склонно конструировать образ «врага» в лице малых групп, чтобы укрепить собственные пошатнувшиеся ценности. Они ввели понятие «моральной паники» применительно к культовой тематике, продемонстрировав, как медиа и заинтересованные группы создают гиперболизированную угрозу из явлений, которые на самом деле затрагивают лишь незначительную часть населения.

Бромли и Шуп доказали, что антикультовое движение само по себе является формой «вигилантизма» — самосуда, который оправдывает нарушение закона и этики высшими целями. Они проанализировали экономику этого движения, показав, что страх родителей стал прибыльным товаром для депрограммеров и ангажированных консультантов. Их анализ девиантности показал, что «культ» — это не сущностная характеристика группы, а ярлык, который наклеивается извне в процессе борьбы за власть и социальное влияние. Таким образом, они перевели вопрос из области психологии в область социологии конфликта, обнажив истинные механизмы стигматизации и дискриминации.

Психологическую и социологическую линию обороны держали Дик Энтони и Стюарт Райт. Дик Энтони, будучи выдающимся исследователем и экспертом, нанес решающий удар по теоретическим конструкциям Маргарет Сингер и других апологетов контроля сознания. Он показал, что концепции «принудительного контроля» методологически несостоятельны и основаны на искаженной интерпретации исследований военнопленных времен Корейской войны. Энтони доказал, что религиозный опыт, каким бы интенсивным он ни был, не имеет ничего общего с клиническими случаями патологического подчинения. Его работа в судах помогла установить стандарт Доберта (Daubert standard), который закрыл двери для псевдонаучных психологических экспертиз, не имеющих под собой эмпирической базы.

Стюарт Райт, в свою очередь, сосредоточился на одном из самых болезненных вопросов — судьбе тех, кто покидает движения. В своей работе о выходе из новых религиозных движений он оспаривал представление о том, что люди находятся в «психологическом плену» и не могут уйти самостоятельно. Райт показал, что выход из новых религиозных движений — это такой же естественный процесс, как и вход, и он происходит постоянно без всякого внешнего вмешательства. Исследования Райта продемонстрировали, что большинство бывших членов сохраняют уважение к своему опыту, даже если они разочаровались в группе, и лишь небольшая часть становится «профессиональными отступниками», чьи свидетельства особенно востребованы антикультовыми активистами. Этим он подтвердил субъектность человека: люди не являются пассивными жертвами, они — активные участники своего духовного поиска, имеющие право, как на увлечение, так и на разочарование.

Ценность трудов всей этой группы ученых невозможно переоценить. Они выступили в защиту научной честности в эпоху, когда популистская психология пыталась подменить доказательную

науку эффектными, но пустыми метафорами. Теория «промывания мозгов» всегда была удобной ширмой: она позволяла родителям не брать на себя ответственность за конфликт с детьми, государству — оправдывать репрессии, а СМИ — продавать сенсации. Ученые, о которых идет речь, пошли на огромный профессиональный риск, защищая непопулярные группы. Их часто обвиняли в «апологетике культов», но на самом деле они были апологетами правды и человеческого достоинства. Их вклад обеспечил сохранение принципов свободы совести в западном мире. Если бы не их твердая позиция, современные демократии могли бы легко соскользнуть в практику государственного регулирования убеждений, где чиновники от медицины или безопасности решали бы, какая вера является «правильной», а какая — результатом «манипуляции». Они напомнили нам, что достоинство человека неразрывно связано с его правом на суверенное сознание. Даже если выбор человека кажется окружающим странным, абсурдным или вредным, пока он совершен дееспособным субъектом без физического принуждения, он должен быть защищен законом.

В конечном итоге, Баркер, Ричардсон, Интровинье и их коллеги совершили нечто большее, чем просто написание академических текстов. Их труды учат нас тому, что толерантность начинается там, где заканчивается страх перед инаковостью. Научное разоблачение мифов о контроле сознания стало одним из важнейших актов защиты прав человека в XX и XXI веках, предотвратив превращение общества в пространство тотального психологического надзора. Сегодня наследие этих исследователей остается источником информации, способствующим сохранению свободы и достоинства человеческой личности.

Уместно отметить, что разгром доктрины Александра Дворкина и его последователей начался тогда, когда мир увидел истинное лицо антикультизма — лицо ненависти, ксенофобии и духовного убийства.

Когда международные правозащитные институты начали расследовать связи антикультовых организаций с их методами контроля, выяснилось, что за фасадом информирования скрывалась машина репрессий, подозрительно напоминающая худшие практики советского КГБ. Разоблачения показали, что экспертизы этих деятелей использовались для фабрикаций уголовных дел, разрушения семей и оправдания насильственного депрограммирования. Монополия на истину, которую FECRIS удерживала десятилетиями, рассыпалась в прах под грузом неопровержимых доказательств их причастности к стигматизации целых социальных групп. Настало время для глубокого философского переосмысления того, что мы называем свободой воли в двадцать первом столетии. В эпоху, когда технологии контроля становятся все более утонченными, когнитивная свобода — право на автономное мышление и неприкосновенность ментального пространства — становится последним рубежом человечности. Если у человека отнять право на ошибку, если запретить ему верить в то, что кажется большинству абсурдным, то само понятие личность превращается в пустую оболочку. Свобода — это не только возможность выбирать между двумя брендами товаров, это право быть не таким, как все, право на странность, на трансцендентный поиск, который не поддается логике государственного бюрократа. Когнитивная свобода — это признание того, что разум каждого индивида является суверенной территорией, куда не имеет права вторгаться ни политик, ни священник, ни психиатр со своим шприцем нормальности. Никто!

Подлинное вдохновение, способное пробить броню общественного равнодушия, сегодня исходит исключительно от людей действия — тех, кто нашел в себе силы противопоставить живую совесть бездушному механизму подавления. Нам жизненно необходимо осознать, что в этой невидимой битве за разум нейтралитет невозможен. Время созерцательного молчания безвозвратно ушло, превратившись в молчаливое согласие с приговором. Сегодня каждый голос, каждое

свидетельство о несправедливости и каждый акт гражданского мужества имеют критическое значение для выживания человеческого достоинства. Мы все должны заговорить, превращая частную боль в коллективное требование правды. Мы не имеем права поддаваться на провокации антикультистов, которые профессионально манипулируют нашими страхами. Эти современные архитекторы «желтого ГУЛАГа» строят свою власть на нашей эмоциональной уязвимости и юридической безграмотности, надеясь, что их действия останутся безнаказанными за давностью лет или под прикрытием «экспертного» статуса. Но безнаказанность — это лишь иллюзия, подпитываемая нашим нежеланием сопротивляться. Те, кто сегодня с садистическим удовольствием дирижирует «химическим укрощением» разума, должны знать: их имена не будут забыты, а их методы получат окончательную правовую и историческую оценку.

Ложь антикультизма, их псевдонаучные мифы о «промыивании мозгов» и «контроле сознания» — это лишь ветхая стена, которая держится на фундаменте нашего неведения. Разрушить эту стену лжи можно только непрерывным потоком правды, которая, подобно воде, точит даже самый твердый камень тирании. Когнитивная свобода не является даром, который можно пассивно ожидать; это рубеж, который нужно защищать ежедневно, превращая информацию в щит. Рассвет наступит лишь тогда, когда мы перестанем бояться света истины и начнем транслировать его сами.

Алексис де Токвиль, французский политический деятель, созерцая молодую американскую республику девятнадцатого столетия, совершил одно из самых проницательных открытий в истории политической мысли: он осознал, что главная угроза свободе в демократическую эпоху исходит не от внешних захватчиков или жестоких тиранов прошлого, а может рождаться из внутренних тенденций самого демократического общества. В своем фундаментальном труде «Демократия в Америке» он исследует

парадокс, согласно которому стремление людей к равноправию и материальному благополучию может незаметно привести их к новой, более жестокой форме рабства. Ответ на вопрос, почему возникает диктатура, Токвиль находит не в силе диктатора, а в слабости и разобщенности граждан, которые добровольно отказываются от бремени ответственности за свою судьбу.

Первопричиной эрозии свободы Токвиль считает феномен индивидуализма, который он четко отделяет от простого эгоизма. Если эгоизм — это древний порок, то индивидуализм — это специфический продукт демократического общества, порожденный равенством условий. В аристократическом прошлом люди были связаны неразрывными цепями сословий, цехов и общин; каждый человек знал свое место и зависел от других. Демократия разбивает эти цепи, делая каждого индивида формально независимым, но при этом изолированным и слабым. Токвиль описывает этот процесс как замыкание человека в узком кругу семьи и друзей, в то время как «большое общество» перестает его интересовать. Эта социальная атомизация создает вакуум, который может заполняться государственной властью. Когда граждане заняты исключительно своими частными делами и погоней за частными удобствами и мелкими удовольствиями, они перестают замечать, как общественное пространство сужается, а механизмы самоорганизации атрофируются. Именно здесь берет начало самая коварная форма политического режима, которую философ назвал «мягким деспотизмом». В отличие от тирании древности, которая действовала через террор и физическое насилие, мягкий деспотизм — это власть опекающая, «абсолютная, дотошная, справедливая и ласковая». Она не стремится мучить людей, она хочет сделать их жизнь комфортной и предсказуемой. Государство-опекун берет на себя заботу о безопасности, удовлетворении нужд и управлении повседневными делами граждан. Проблема заключается в том, что такая власть стремится удерживать людей в состоянии вечного

младенчества. Она с удовольствием работает ради их блага, но требует быть единственным арбитром этого блага. Постепенно такая опека лишает человека способности пользоваться собственной волей и разумом.

Токвиль рисует пугающий образ общества, превращенного в подобие «стадо послушных и трудолюбивых животных», где правительство выступает в роли пастыря. В такой системе диктатура устанавливается не через захват власти, а через делегирование ответственности: люди охотно отдают свою свободу в обмен на спокойствие и материальный уют, не замечая, как превращаются в пассивные объекты административного управления.

Другим мощным фактором, способствующим приходу диктатуры, является «тирания большинства». Токвиль предупреждал, что в демократическом обществе власть большинства может стать абсолютной и подавляющей. В условиях равенства мнение большинства приобретает непререкаемый авторитет, становясь своего рода догмой. Человек, осмеливающийся мыслить иначе, сталкивается не столько с законодательным запретом, сколько с моральной изоляцией и общественным презрением. Это всемогущество мнения убивает свободу духа и оригинальность мышления, подготавливая почву для лидера, который провозгласит себя единственным истинным выразителем воли этого самого большинства.

Тирания большинства создает интеллектуальную пустыню, в которой инакомыслие воспринимается как предательство, а критическое восприятие власти замещается слепой верой в непогрешимость массы. Таким образом, путь к единоличной диктатуре прокладывается через психологическое подавление личности самой социальной средой. Возникает закономерный вопрос: можно ли противостоять этому процессу, и какие инструменты есть у общества, чтобы не соскользнуть в объятия «мягкого деспотизма»? Токвиль

находит ответ в практиках, которые он наблюдал в американском обществе своего времени.

Первым и важнейшим средством защиты является развитие гражданских ассоциаций. Поскольку отдельный индивид в демократии слишком слаб, чтобы противостоять государству, единственным способом сохранить силу является объединение. Речь идет не только о политических партиях, но и о любых добровольных союзах — научных, религиозных, литературных или благотворительных. Ассоциации выступают в роли «искусственной аристократии», создавая промежуточный слой между личностью и центральной властью. Они учат людей действовать сообща, осознавать свои интересы и, что самое важное, понимать, что общее благо является необходимым условием их личного процветания. Участие в ассоциациях вырывает человека из кокона индивидуализма и возвращает ему чувство гражданской субъектности.

Вторым оплотом свободы Токвиль называет местное самоуправление. Он считал муниципальные учреждения «школами свободы», где граждане обучаются искусству управления в малом масштабе. Решая проблемы своей улицы, города или округа, люди на практике постигают важность личной ответственности и видят прямую связь между своими усилиями и результатом. Централизованная администрация может быть более эффективной в краткосрочной перспективе, но она убивает гражданский дух. Местное самоуправление, напротив, поддерживает в обществе жизнь, не давая ему превратиться в инертную массу. Именно здесь формируются те «привычки сердца», которые делают свободу не просто буквой закона, а живой потребностью каждого человека. Когда гражданин привыкает сам распоряжаться своими делами на местном уровне, он с гораздо меньшей вероятностью позволит государству диктовать ему условия в масштабах всей страны.

Наконец, решающее значение имеет «свобода духа» и внутренняя готовность к ответственности. Токвиль подчеркивал, что никакие институты не спасут народ, который утратил вкус к свободе и предпочитает рабство в комфорте трудностям самостоятельного существования. Свобода — это суровая дисциплина, требующая постоянного участия и интеллектуального усилия. Противостояние диктатуре начинается не на баррикадах, а в сознании человека, который отказывается перекладывать решение своих жизненных проблем на плечи «мудрого правительства». Философ призывал видеть в равенстве не повод для успокоения, а вызов, требующий еще большей бдительности. Только через сочетание активной общественной деятельности, развития децентрализованных институтов и глубокого осознания личной ответственности демократическое общество может избежать ловушки деспотизма. В конечном счете, по мнению Токвиля, судьба наций зависит от них самих: равенство может привести их как к рабству, так и к свободе, как к просвещению, так и к варварству, в зависимости от того, хватит ли у граждан воли оставаться хозяевами собственной жизни.

Современная психиатрия стоит на пороге великого очищения. Она должна смыть с себя позорное пятно карательной медицины, которое вновь проявилось в преследованиях академика Сергея Абрамова, верующих мусульман в Крыму или Свидетелей Иеговы. Истинное предназначение психиатрии — исцелять раны души, облегчать страдания и помогать человеку обрести целостность в мире, полном хаоса. Она никогда не должна служить цепным псом режима, карающим за нестандартное мышление. Врачи должны помнить, что их клятва — не навреди — распространяется прежде всего на личность пациента, на его право оставаться самим собой, даже если его внутренний мир кажется окружающим непонятым или пугающим.

Право на веру и личную внутреннюю жизнь являются необходимым условием существования демократического общества. Именно в этом праве кроется предохранитель от всевластия. Когда мы позволяем решать за нас, какая вера является правильной, а какая деструктивной, мы открываем ящик Пандоры. Битва за разум — это битва за право человека быть его хозяином. Эта битва продолжается в каждом судебном иске против дискриминации, в каждом научном исследовании, разоблачающем псевдонаучные мифы, в каждом акте мужества человека, который отказывается предать свою веру ради комфорта или безопасности. С каждым таким действием мы вступаем в эру, где человек имеет священное право быть творцом собственной реальности, где психиатрия становится искусством сострадания, а не инструментом контроля. Биение сердца свободного человека — это самый громкий манифест, против которого бессильны любые тюрьмы и любые диагнозы.

Битва за разум — это вечный процесс самопознания и защиты своей самости. Мы оставляем за собой право верить, сомневаться, искать и ошибаться. В этом праве на внутреннюю бесконечность и заключается наша подлинная победа. Свобода — это не дар, полученный от государства, это огонь, который мы поддерживаем в себе каждый день. И пока этот огонь горит, никакая цепи нормальности не смогут удержать человеческую душу в плену. Когнитивная свобода — это не просто юридический термин, это сама суть нашего существования, наш последний и самый важный рубеж. Мы должны осознать, что надежда жива до тех пор, пока мы способны сопереживать жертвам репрессий и называть зло его истинным именем. Пока мы способны и готовы действовать. Это рождение нового устоя взаимоотношений, где человеческое достоинство стоит выше любых идеологических доктрин.

ИСТОЧНИКИ

1. Amnesty International. (2021, September 23). Russia: Siberian shaman who marched against Putin is indefinitely confined to a psychiatric hospital. <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2021/09/russia-siberian-shaman-who-marched-against-putin-is-indefinitely-confined-to-a-psychiatric-hospital/>
2. Anthony, D., & Robbins, T. Conversion and “brainwashing” in new religious movements. CESNUR. https://www.cesnur.org/2003/brain_conv.htm
3. Barker, E. (1989). The making of a Moonie: Choice or brainwashing? Blackwell.
4. Berkes, H. (2008, May 29). Court: Polygamist group’s kids must be returned. NPR. <https://www.npr.org/2008/05/29/90970877/court-polygamist-groups-kids-must-be-returned>
5. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Anti-cult ideology and FECRIS: Dangers for religious freedom. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 3–24. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.1>
6. Berzano, L., Falikov, B., Fautré, W., Filipovich, L., Introvigne, M., & Rigal-Cellard, B. (2022). Sympathy for the Devil: The anti-cult federation FECRIS and its support for Russian and Chinese repression of religion. *The Journal of CESNUR*, 6(3), 25–67. <https://doi.org/10.26338/tjoc.2022.6.3.2>
7. Bromley, D. G., & Shupe, A. D. (1981). Strange gods: The great American cult scare. Beacon Press.
8. Connolly, K. (2013, September 6). Children removed from Christian sect after German police raids. *The Guardian*.

<https://www.theguardian.com/world/2013/sep/06/children-christian-sect-police-raids-twelve-tribes>

9. Coynash, H. (2023, December 27). Russia uses punitive psychiatry to indefinitely imprison critic of its war against Ukraine. Kharkiv Human Rights Protection Group. <https://khpg.org/en/1608813232>

10. Coynash, H. (2025, April 28). Even Russian prison service asks to release blind and disabled Ukrainian political prisoner Oleksandr Sizikov. Kharkiv Human Rights Protection Group. <https://khpg.org/en/1608814612>

11. Cranmer, F. (2018, February 28). Mental health and religious rights: Mockutè. Law & Religion UK. <https://lawandreligionuk.com/2018/02/28/mental-health-and-religious-rights-mockute/>

12. Dunn, S. K. (2009). The Yearning for Zion raid and its impact on Texas child welfare cases: How a botched rescue effort exposed a need to refocus efforts on effective service plans. *St. Mary's Law Journal*, 41(2), 233–276.

<https://commons.stmarytx.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2618&context=thestmaryslawjournal>

13. Duval, P. (2017, September 26). The role of FECRIS and anti-cult organizations in Russia [Conference paper]. CESNUR conference, Rome, Italy. https://www.cesnur.org/2017/duval_eng.pdf

14. D. R. Lunts dies in Moscow; found dissidents insane. (1977, March 11). *The New York Times*. <https://www.nytimes.com/1977/03/11/archives/dr-lunts-dies-in-moscow-found-dissidents-insane.html>

15. European Data Protection Supervisor. (2016, March 15). Case law overview: 1 December 2014 – 31 December 2015 [Working document].

https://www.edps.europa.eu/sites/default/files/publication/16-03-15_case_law_overview_2015_en.pdf

16. European Data Protection Supervisor. (2016, March 15). Case law overview: 1 December 2014 – 31 December 2015 [Working document]. https://www.edps.europa.eu/sites/default/files/publication/16-03-15_case_law_overview_2015_en.pdf

17. European Court of Human Rights. (2018, March 22). Judgments *Wetjen and Others v. Germany* and *Tlapak and Others v. Germany*: Taking into care of children belonging to Twelve Tribes Church [Press release]. <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-6040082-7759646&filename=Judgments%20Wetjen%20and%20Others%20v.%20Germany%20and%20Tlapak%20and%20Others%20v.%20Germany%20-%20taking%20into%20care%20of%20children%20belonging%20to%20Twelve%20Tribes%20Church.pdf>

18. European Court of Human Rights. (2022, June 7). Multiple violations in case brought by Jehovah's Witnesses in Russia: *Taganrog LRO and Others v. Russia* [Press release]. <https://hudoc.echr.coe.int/app/conversion/pdf/?library=ECHR&id=003-7352983-10042703&filename=Judgment%20Taganrog%20LRO%20and%20Others%20v.%20Russia%20-%20Multiple%20violations%20in%20case%20brought%20by%20Jehovah%E2%80%99s%20Witnesses%20in%20Russia.pdf>

19. EU court backs kids' removal from religious communes. (2018, March 22). Courthouse News Service. <https://www.courthousenews.com/eu-court-backs-kids-removal-from-religious-communes/>

20. Equality and Human Rights Commission Scotland. (2018, July). Religion and belief in Europe.

https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/religion_and_belief_in_europe.pdf

21. Exposing Anti-Cultism. (2024, July 14). The IMPACT | Groundbreaking documentary. <https://actfiles.org/the-impact-groundbreaking-documentary/>

22. Federation Global Initiative on Psychiatry. Home. <https://fgip-global.org/>

23. Fleury, A. (2020). The Island Pond raid: How one Vermont town became the center of a religious freedom firestorm. Burlington Free Press. <https://www.burlingtonfreepress.com/story/news/2020/08/19/day-140-vt-officers-raided-church-island-pond-religious-freedom-island-pond-twelve-tribes/5409179002/>

24. hecksinductionhour. (2023, May 5). Deconstructology. The Russian Reader. <https://therussianreader.com/2023/05/05/2412/>

25. Human Rights Watch. (2020, January 9). Russia: Escalating persecution of Jehovah's Witnesses. <https://www.hrw.org/news/2020/01/09/russia-escalating-persecution-jehovahs-witnesses>

26. IMDb. (2024). The impact: Groundbreaking documentary. <https://www.imdb.com/title/tt33307764/>

27. INFORM. About us. <https://inform.ac/about-us/>

28. Introvigne, M. (2022, February 28). Russia sentenced for mistreating Jehovah's Witnesses. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/russia-sentenced-mistreating-jehovahs-witnesses/>

29. Introvigne, M. (2022, September 12). "They kill Russian children, cats, and pigeons": Russian anti-cultists accuse Ukraine of spreading imaginary "cults" in Russia. Bitter Winter. <https://bitterwinter.org/russian-anti-cultists-accuse-ukraine-of-spreading-imaginary-cults/>

30. Introvigne, M. (2023). The myth of a Russia besieged by “cults”: From Ivan Ilyin to the Russian FECRIS’ campaigns against Scientology. *The Journal of CESNUR*, 7(6), 19–33.
<https://doi.org/10.26338/tjoc.2023.7.6.2>
31. Introvigne, M. (2025, April 11). When Dvorkin called FECRIS “cowards and racists”. *Bitter Winter*. <https://bitterwinter.org/when-dvorkin-called-fecris-cowards-and-racists/>
32. Kharkiv Human Rights Protection Group. (2025, April 28). Even Russian prison service asks to release blind and disabled Ukrainian political prisoner Oleksandr Sizikov. <https://khpg.org/en/1608814612>
33. Meduza. (2023, December 28). ‘No longer a human being’: How a woman was sentenced to compulsory psychiatric treatment for spreading ‘fake news’ about the Russian army.
<https://meduza.io/en/feature/2023/12/29/no-longer-a-human-being>
34. Melton, J. G. (1999, March). Brainwashing and the cults: The rise and fall of a theory. *CESNUR*. <https://www.cesnur.org/testi/melton.htm>
35. *Mockutė v. Lithuania*, Application No. 66490/09, Eur. Ct. H.R. (2018, February 27). https://www.globalhealthrights.org/wp-content/uploads/2018/06/MOCKUTE_2018_judgment-1.pdf
36. Nasyrov, E., & Orlova, O. (2024, February 5). Sergei Abramov: “I’m afraid that Russia is shooting itself not in the foot, but in the head”. *T-invariant*. <https://t-invariant.org/2024/02/sergei-abramov-i-m-afraid-that-russia-is-shooting-itself-not-in-the-foot-but-in-the-head/>
37. O’Connor, K. (2024, June 21). 40 years later, Island Pond has little interest in revisiting its historic raid. *VT Digger*.
<https://vtdigger.org/2024/06/21/40-years-later-island-pond-has-little-interest-in-revisiting-its-historic-raid/>
38. O’Neil, A.-M. (2018). *Mockutė v Lithuania*: Application no 66490/09: European Court of Human Rights (Fourth Section): Yudkivska, President,

De Gaetano, Pinto de Albuquerque, Vehabović, Kūris, Ranzoni, Paczolay JJ; Yudkivska and Ranzoni JJ partly dissenting: 27 February 2018. Oxford Journal of Law and Religion, 7(3), 577–578.

<https://academic.oup.com/ojlr/article-abstract/7/3/577/5233825?redirectedFrom=fulltext>

39. Ojas Meditation Centre. (2018, March 10). ECHR punished Lithuania for inquisition against Ojas meditation center meditators.

<https://www.ojasmc.eu/en/2018-echr-punished-lithuania-for-application-of-inquisition-against-individuals-and-meditators/>

40. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. (2018, September 13). The denial of religious plurality in Russia [Conference/meeting document].

https://www.osce.org/sites/default/files/f/documents/5/a/394418_7.pdf

41. Petrina, D. (2016, April 4). “Medicine standing on its head”: Snezhnevsky, sluggish schizophrenia and Soviet political abuse of psychiatry. GeoHistory. <https://geohistory.today/soviet-psychiatry-snezhnevsky/>

42. Reich, W. (1983, January 30). The world of Soviet psychiatry. The New York Times Magazine.

<https://www.nytimes.com/1983/01/30/magazine/the-world-of-soviet-psychiatry.html>

43. Richardson, J. T. (1996). “Brainwashing” claims and minority religions outside the United States: Cultural diffusion of a questionable concept in the legal arena. Brigham Young University Law Review, 1996(4), 873–904. <https://digitalcommons.law.byu.edu/lawreview/vol1996/iss4/8/>

44. RFE/RL’s Siberia.Realities. (2022, November 30). Anti-Putin shaman to stay in forced psychiatric care. Radio Free Europe/Radio Liberty.

<https://www.rferl.org/a/russia-gabyshev-compulsory-psychiatric-care/32155435.html>

45. RFE/RL's Russian Service. (2023, November 29). Leading Russian expert on supercomputers to be sent to psychiatric clinic. Radio Free Europe/Radio Liberty. <https://www.rferl.org/a/russia-supercomputers-expert-abramov-psychiatric-clinic/32706668.html>
46. RFE/RL's North.Realities. (2023, December 22). 'Tens of millions of tragedies': Russian woman faces psychiatric confinement over uncompromising anti-war stance. Radio Free Europe/Radio Liberty. <https://www.rferl.org/a/russia-woman-anti-war-psychiatric-petrova-ukraine/32743777.html>
47. Roberts, C. K. (2023). The ECtHR's application of its general principles concerning the right to freedom of thought, conscience and religion in ECHR Article 9. In *Freedom of religion or belief in the European Convention on Human Rights: A reappraisal* (pp. 89–198). Cambridge University Press. <https://www.cambridge.org/core/books/abs/freedom-of-religion-or-belief-in-the-european-convention-on-human-rights/ecthrs-application-of-its-general-principles-concerning-the-right-to-freedom-of-thought-conscience-and-religion-in-echr-article-9/B533EF2E9F0F3EA92274A3F82C0B15B6>
48. SOVA Center for Information and Analysis. (2023, June 28). Misuse of anti-extremism in May 2023. <https://www.sova-center.ru/en/misuse/news-releases/2023/06/d47042/>
49. Staden, K. van. (2019, August 27). Sluggish schizophrenia in the Soviet Union: A diagnosis for political dissenters [Student thesis, Stanford University]. Stanford Digital Repository. <https://purl.stanford.edu/cj200yf2075>
50. Stradalex. (2020, October 22). European Court of Human Rights (79783/13). https://www.stradalex.eu/en/se_src_publ_jur_eur_cedh/document/echr_79783-13

51. Texas high court: Removal of sect kids “not warranted”. (2008, May 29). CNN.
<https://www.cnn.com/2008/CRIME/05/29/texas.polygamists/index.html>
52. United States Commission on International Religious Freedom.
Oleksandr Sizikov. Frank R. Wolf Freedom of Religion or Belief Victims List. <https://www.uscirf.gov/religious-prisoners-conscience/forb-victims-database/oleksandr-sizikov>
53. United States Commission on International Religious Freedom.
Aleksandr Gabyshev. Frank R. Wolf Freedom of Religion or Belief Victims List. <https://www.uscirf.gov/religious-prisoners-conscience/forb-victims-database/aleksandr-gabyshev>
54. United States Commission on International Religious Freedom. (2023). Russia. In 2023 annual report (p. 36).
<https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2023-05/Russia.pdf>
55. United States Commission on International Religious Freedom. (2022, October 14). Russia’s persecution of Jehovah’s Witnesses.
<https://www.uscirf.gov/news-room/uscirf-spotlight/russias-persecution-jehovahs-witnesses>
56. van Staden, K. (2019, August 27). Sluggish schizophrenia in the Soviet Union: A diagnosis for political dissenters [Student thesis, Stanford University]. Stanford Digital Repository.
<https://purl.stanford.edu/cj200yf2075>
57. van Voren, R. (2010). Political abuse of psychiatry—An historical overview. *Schizophrenia Bulletin*, 36(1), 33–35.
<https://academic.oup.com/schizophreniabulletin/article-abstract/36/1/33/1871265?redirectedFrom=fulltext>
58. van Voren, R. (2015, March). Political abuse of psychiatry in Russia: Back to the USSR? Cicero Foundation.

59. Wiseman, J. S. (2009, June). State-sanctioned raids and government violations of religious freedom: Revealing similarities of constitutional errors in both the 1984 Island Pond raid and the 2008 FLDS raid [Conference paper]. CESNUR Conference, Salt Lake City, Utah, United States. https://www.cesnur.org/2009/slc_wiseman.htm